

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета» (все его серии) включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по наукам, соответствующим названию серии.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

Учредитель журнала «Вестник МГОУ»: Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»

Хроменков П.Н. — к.филол.н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. — к. филол. н., и.о. проректора по научной работе Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Клычников В.М. — к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д.псих.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д.пед.н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюцев Е.И. — д.ф.-м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухун Г.Т. — д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. — д. пед. н., проф., член-корр. РАО

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»

Ответственный редактор серии:

Смоленский Н.И. — д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Волобуев О.В. — д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Федорченко С.Н. — к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Абрамов А.В. — к.пол.н., доц., МГОУ; **Багдасарян В.Э.**

— д.и.н., проф., МГОУ; **Воронин С.А.** — д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва); **Гайдук**

В.В. — д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа); **Гонзалес Дж.** — доктор наук,

Исторический научный центр Рожкова (Австралия); **Журавлев В.В.** — д.и.н., проф., МГОУ; **Захаров В.Н.** — д.и.н.,

проф., МГОУ; **Ковалев В.А.** — д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет; **Мартынов М.Ю.** —

д.пол.н., доц., Сургутский государственный университет; **Михайловский Ф.А.** — д.и.н., проф., Московский город-

ской педагогический университет; **Наталици М.** — д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия); **Сельцер Д.Г.** —

д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина; **Сулакшин С.С.** — д.пол.н., д.ф.-м.н.,

проф., Центр научной политической мысли и идеологии; **Фукс А.Н.** — д.и.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8360

Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2015. № 1. М.: ИИУ МГОУ. 96 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26139

Индекс серии «История и политические науки»

по Объединенному каталогу «Пресса России» 40712

© МГОУ, 2015.

© Издательство МГОУ, 2015.

Адрес Отдела по изданию научного журнала

«Вестник МГОУ»

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the MSRU»: Moscow State Regional University

— Issued 5 times a year —

Series editorial board «History and Political Sciences »

Editor-in-chief:

N.I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU

Deputy editor-in-chief:

O.V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU

Executive secretary of the series:

S.N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MSRU

Members of Editorial Board:

A.V. Abramov – Ph. D. in Politology, Associate Professor, MSRU; **V.E. Bagdasaryan** – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU; **S.A. Voronin** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V.V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa; **J. González** – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia); **V.V. Zhuravlev** – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU;

V.N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU; **V.A. Kovalyov** – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University; **M.Yu. Martynov** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Surgut State University;

F.A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University; **M. Natalici** – Doctor of Historical Sciences, Professor, University of Siena (Italy); **D.G. Seltzer** – Doctor of Political Sciences, Professor, Tambov State University named after G.R. Derzhavin; **S.S. Sulakshin** – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A.N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Publishing council «Bulletin of the MSRU»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Rector of MSRU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, Acting Vice-Principal for scientific work of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MSRU

Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of «Literaturnaya Gazeta»

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MSRU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8360

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series «History and Political Sciences». 2015. № 1. M.: MSRU Publishing house. 96 p.

The series «History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0077-26139

Index series «History and Political Sciences» according to the union catalog «Press of Russia» 40712

© MSRU, 2015.

© MSRU Publishing house, 2015.

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University

10a Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

<i>Тихонов В.В.</i> ВНУТРИКОРПОРАТИВНЫЕ КОНФЛИКТЫ В СРЕДЕ ИСТОРИКОВ КАК КАТАЛИЗАТОР ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КАМПАНИЙ ПОСЛЕДНЕГО СТАЛИНСКОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ	6
<i>Егоров Д.И.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ ИСТОРИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ	14
<i>Фукс А.Н.</i> ЗНАЧЕНИЕ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ДЛЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	21

Отечественная история

<i>Мерзанова А.В.</i> ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ГЕРМАНСКОЙ НАЦИИ В ПЕРИОД РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1676-1681 гг.	33
<i>Короткова А.В.</i> МОСКОВСКАЯ АДВОКАТУРА В 1860-1900-Х гг.	39
<i>Чемакин А.А.</i> «МЫ ОСМЕЛИЛИСЬ ВЫСТУПИТЬ С НОВЫМИ ЛОЗУНГАМИ...»: ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГРУППА НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТОВ И СБОРНИК «ЛАДО»	45
<i>Горлов В.Н.</i> ИЗМЕНЕНИЯ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ ПРИ РЕШЕНИИ ЖИЛИЩНОЙ ПРОБЛЕМЫ В 1950-1960-е гг.	55

Всеобщая история

<i>Мохаммад Ибрахим Назир</i> ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И СИРИИ В НАЧАЛЕ XXI в.	63
--	----

РАЗДЕЛ II. ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Клементьев Д.Ю.</i> ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	75
<i>Синчук Ю. В.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	81
<i>Юраков М.В.</i> ПРОБЛЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В АФГАНИСТАНЕ НА ПРОСТРАНСТВО ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА	87

НАШИ АВТОРЫ	
-------------------	--

CONTENTS

SECTION I. HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

V. Tikhonov INTERNAL CONFLICTS AMONG HISTORIANS AS A CATALYST FOR IDEOLOGICAL CAMPAIGNS OF THE LAST STALIN'S DECADE	6
D. Yegorov LITERARY CRITICISM ABOUT THEORETICAL CONCEPTS OF HISTORY	14
A. Fuks THE VALUE OF THE COUNTRY'S HISTORY TEXTBOOKS FOR IDEOLOGICAL NATIONAL SECURITY	21

Native History

A. Merzanova DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND THE HOLY ROMAN EMPIRE OF THE GERMAN NATION DURING THE RUSSO-TURKISH WAR OF 1676-1681	33
A. Korotkova MOSCOW ADVOCACY IN THE 1860-1900s	39
A. Chemakin «WE DARED TO COME OUT WITH NEW SLOGANS ...»: PETERSBURG GROUP OF NATIONAL DEMOCRATS AND THE LADO COLLECTION	45
V. Gorlov CHANGES OF SOVIET PEOPLE'S LIFE FUNDAMENTALS WHILE SOLVING THE HOUSING PROBLEM IN THE 1950-1960	55

General history

I. Mohammad

MAIN FACTORS OF MILITARY-POLITICAL COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND SYRIA AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY	63
---	----

SECTION II. POLITOLOGY

D. Klement'ev STATE NATIONAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION	75
Yu. Sinchuk THE THEORETICAL BASICS OF THE MORAL AND PSYCHOLOGICAL ENSURING OF THE RUSSIAN FEDERATION MILITARY SECURITY	81
M. Yurakov THE PROBLEM OF SPREADING AFGHANISTAN'S INSTABILITY ONTO THE REGION OF CENTRAL ASIA	87
OUR AUTHORS	

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 9:930.1

Тихонов В.В.

Московский государственный областной университет

ВНУТРИКОРПОРАТИВНЫЕ КОНФЛИКТЫ В СРЕДЕ ИСТОРИКОВ КАК КАТАЛИЗАТОР ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КАМПАНИЙ ПОСЛЕДНЕГО СТАЛИНСКОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Аннотация. Статья посвящена роли внутрикорпоративных конфликтов в среде советских историков в годы идеологических кампаний последнего сталинского десятилетия. В качестве примеров приводятся конфликты И.И. Минца и А.Л. Сидорова, Б.Ф. Поршнева и Н.А. Сидоровой, «историков» и «архивистов» в Историко-архивном институте. Делается вывод о том, что внутрикорпоративные конфликты становились катализаторами идеологических кампаний, превращая их нередко в форму сведения счетов, борьбы за научное и административное влияние и т.д.

Ключевые слова: советская историческая наука, идеологические кампании, внутрикорпоративные конфликты, советские историки.

V. Tikhonov

Moscow State Regional University

INTERNAL CONFLICTS AMONG HISTORIANS AS A CATALYST FOR IDEOLOGICAL CAMPAIGNS OF THE LAST STALIN'S DECADE

Abstract. The article is devoted to the role of internal conflicts among Soviet historians in the years of ideological campaigns of the last Stalinist decade. As examples the author analyses the conflicts between I.I. Mintz, and A.L. Sidorov, as well as between B.F. Porshnev and

© Тихонов В.В., 2015.

N.A. Sidorova, between the “historians” and “archivists” in Historical-Archival Institute. The author concludes that internal conflicts became catalysts for ideological campaigns, often turning them into the form of vengeance, the struggle for scientific and administrative influence, etc.

Key words: Soviet historical science, ideological campaigns, internal conflicts, Soviet historians.

Сообщество историков середины XX в. – сложное и противоречивое явление. В такой среде неизбежны конфликты, борьба за лидерство как в интеллектуальной, так и в административной сфере. Послевоенный СССР в 1940-е г. сотрясла череда идеологических кампаний (дело КР, борьба с «буржуазным объективизмом», «безродным космополитизмом» и др). Внутрикорпоративные конфликты были в них важным элементом, добавляющим динамики и агрессии в идеологические погромы.

Их изучение не только способствует объяснению причин активности тех или иных ученых друг против друга, но и показывают напряженность и неоднородность самой среды историков. К сожалению, конфликты как естественный и обыденный элемент жизни научного сообщества редко становятся предметом исследования [8; 13]. Между тем, известный французский социолог П. Бурдьё, предложивший теорию «научного поля», где поле – система из отдельных личностей, научных школ, институтов, которая развивается по специфическим законам власти и подчинения, считает внутрикорпоративные конфликты обязательным элементом развития науки. Деятельность ученых в данной концепции описывается по аналогии с поведением участников рыночных отношений, борющихся за капитал. Только в среде ученых борьба идет за символический капитал (авторитет, административные посты и т.д.), позволяющий вер-

бовать сторонников (учеников) и навязывать научному сообществу свое мнение [2]. Теория П. Бурдьё при учете специфики советского общества применима и к изучению истории советской исторической науки.

Конфликты пронизывали всю корпорацию советских историков, возникали практически во всех сферах их жизни. Они могли быть на личностном уровне (вражда двух и более историков), институциональном (соперничество институтов), групповом (между школами и группами). Особой формой являлся конфликт партийных и беспартийных. В данном докладе остановимся на личностных конфликтах.

Конфликты длились годами и часто имели давние причины. Одним из них является соперничество И.И. Минца и А.Л. Сидорова. Пути в науке Исаака Израилевича Минца (1896-1991) и Аркадия Лавровича Сидорова (1900-1966) были схожими. Оба были слушателями Института Красной профессуры, где учились у М.Н. Покровского, затем активно работали как преподаватели. Карьера И.И. Минца была успешнее: он быстро занял ключевые посты в руководстве исторической наукой. А вот путь А.Л. Сидорова был извилистее: в 1935 г. он был даже исключен из партии, но в следующем году его восстановили [3, с. 731-732]. Когда дело А.Л. Сидорова рассматривалось в Центральном комитете комсомола, то на одно из заседаний пригласили И.И. Минца, как человека знакомого с ним лично, видимо, он должен был дать ему

характеристику. Но И.И. Минц не пришел, что А.Л. Сидоров расценил как проявление трусости [14, с. 398]. Давая оценку И.И. Минцу, он впоследствии писал: «Он оставлял впечатление человека, склонного влиять, говорить в лицо одно, и за глаза делать другое, личной храбростью и мужеством он не отличался, зато способность собирать своих людей, группировать их, поддерживать лиц определенной национальности несомненна» [14, с. 399-400]. Очевидно, что между двумя историками с самого начала сложились напряженные личные отношения.

В 1940-е гг. И.И. Минц занимал практически монопольное положение в изучении истории советского общества. Он был академиком, возглавлял наиболее крупные исследовательские проекты, авторские коллективы учебных пособий. Его ученики (среди которых наиболее заметную роль играли Е.Н. Городецкий, Э.Б. Генкина, И.М. Разгон) вели занятия по истории советского периода во всех престижных вузах Советского Союза. Амбиции А.Л. Сидорова также были велики: он стремился занять лидирующие позиции в советской исторической науке, чему мешал, в первую очередь, И.И. Минц.

В своих действиях А.Л. Сидоров опирался на молодых, идеологически проверенных (партийных) соратников, часто бывших фронтовиков: «Многие из учеников А.Л. Сидорова были бывшими фронтовиками... По сравнению со своими «зелеными» товарищами, не прошедшими школы войны, они обладали значительным жизненным опытом и твердо знали, чего хотят. Большинство из них были членами партии. Очень быстро фронтовики заполнили почти все выборные

партийные, комсомольские и профсоюзные должности, а также аспирантуру. Они хотели учиться и получать знания, но они считали себя по праву первыми претендентами на освободившиеся вакансии. Вакансий же было немного...» [11, с. 304-305]. Разгром «группы Минца» позволял сторонникам А.Л. Сидорова занять лидирующее положение в изучении советской истории, самого престижного направления исторической науки. Антисемитские нотки проходивших проработок прекрасно подходили для этих целей, поскольку сам И.И. Минц был евреем, а среди его учеников много было лиц еврейской национальности.

25 февраля 1949 г. в Институте истории прошла сессия, на которой В.Т. Круть и Х.Г. Аджемян потребовали искоренить антипатриотические настроения в среде советских историков. Главными носителями этих настроений назывались Н.Л. Рубинштейн, И.И. Минц и «их защитник и покровитель» Е.Н. Городецкий [6, с. 548]. Вскоре заседание прошло в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). На нем прозвучал доклад заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации Ф.М. Головенченко «О задачах борьбы против космополитизма на идеологическом фронте» [1, с. 28]. «Несколько часов подряд высокие чины, а потом и преподаватели в унисон ругали «космополитов», которые «пробрались» в историческую науку, окопались на истфаке МГУ, разлагают молодежь». Особенно досталось И.И. Минцу. Прозвучал призыв «забить последний гвоздь в крышку политического гроба Исаака Минца и его прихвостней – Разгона, Городецкого, Звавича, Зубока...» [9, с. 122].

Центром антикосмополитической борьбы стал исторический факультет МГУ, где главным оратором был А.Л. Сидоров. Именно на разгром «команды» Минца был направлен основной удар критики. 3 марта 1949 г. прошло партийное собрание исторического факультета, где Сидоров выступил с разгромной критикой «группы Минца». В своем докладе он указал на недопустимость проникновения «буржуазного безродного космополитизма» в историческую науку, поскольку «в современной обстановке идеи буржуазного космополитизма в науке... являются идеологическим оружием американского империализма»¹. В чем же заключался «грех» космополитизма? «Всякое протаскивание идей буржуазного космополитизма в историческую науку, принижение роли русского народа в мировой истории..., стремление ослабить чувство советского патриотизма, принизить достижения советского хозяйства, советской культуры, советской науки – являются проявлением враждебной деятельности против нашей Родины в интересах врагов нашей социалистической страны»², – громкогласно заявил Сидоров. Заметим, что при желании каждый мог быть подведен под эти обвинения.

И.И. Минц, по мнению Сидорова, – зримое проявление всех перечисленных пороков, «наиболее типичный выразитель и проводник взглядов буржуазного космополитизма»³. Ошибок у Минца слишком много, чтобы это было случайностью: искажение фак-

тов, «смазывание значения октябрьской Социалистической революции, как в исторических судьбах нашего народа, так и в истории всемирной». Были и более страшные преступления: «Важнейшие вопросы, поставленные товарищем Сталиным по истории советского общества, товарищ Минц в своей работе не отразил»⁴. И, наконец, касаясь статьи «Ленин и развитие советской исторической науки», Сидоров говорил, что «венцом надругательства над советской наукой, над трудами Ленина и Сталина, является совершенно недопустимое вражеское заявление, что основоположниками по изучению советского периода являются Разгон, Городецкий и др... Ни Ленин, ни Сталин, ни их работы являются основным фундаментом научной истории советского периода, а работы Минца и членов его группы»⁵. Справедливости ради заметим, что в самой статье всячески выпячивается значение работ Ленина и Сталина, а такие далеко идущие выводы делаются на основе всего двух слов о работах Е.Н. Городецкого, Э.Б. Генкиной, И.М. Разгона, Н.А. Корнатовского, О.А. Шекун, которыми, как написано в тексте, «положено начало» изучению советской истории. Очевидно, что это лишь повод.

«Группа Минца» была обвинена в монополизации изучения и преподавания истории советского периода. Более того, по словам Сидорова, она сознательно тормозила становление молодых кадров специалистов по советской истории. 15 марта в стенгазете исторического факультета появилась статья, где звучал призыв «до конца

¹ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 632 (А.Л. Сидоров). К. 21. Ед. хр. 2. Л. 151.

² Там же.

³ Там же. Л. 154.

⁴ Там же. Л. 159.

⁵ Там же. Л. 162-163.

искоренить космополитизм в исторической науке – Минца, Разгона, Городецкого, Верховеня и др.» [7, с. 147].

И.И. Минц лишился всех руководящих постов, в качестве ссылки его назначили заведующим кафедрой в Московском педагогическом институте. А.Л. Сидоров стал заведующим кафедрой истории СССР МГУ, в 1953 г. он был назначен директором Института истории АН СССР. В дальнейшем Сидоров характеризовал И.И. Минца как «паразитический тип» и признавал своей заслугой то, что «выставил его из университета» [14, с. 400-401].

Впрочем, на выборах в члены-корреспонденты АН СССР Сидорова провалили, несмотря на выделенную специально для него вакансию: в научном сообществе признавался не только язык власти, но был и свой «гамбургский счет». До кончины Сидорова в 1966 г. отношения между двумя историками были напряженными. Сидоров сумел на время оттеснить Минца от академического Олимпа, но самому туда забраться ему так и не удалось.

Еще один конфликт потряс мир советских медиевистов. В центре него оказался неординарный историк Б.Ф. Поршнев. Пристальное внимание вызвала его докторская диссертация «Народные восстания во Франции перед Фрондой 1623-1648 гг.», защищенная в 1940 г. Множество авторитетных медиевистов и специалистов по истории Нового времени не принимали ее из-за слишком, по их мнению, явного уклона в теоретизирование в ущерб научной точности и обоснованности [15]. Например, участвовавшая в обсуждении рукописи книги Поршнева ленинградский медиевист А.Д. Люблинская заявила, что «в книге Бориса

Федоровича... нет ни одной добросовестной страницы» [4, с. 26].

Сложные и явно неприязненные отношения сложились у Б. Ф. Поршнева и с Н.А. Сидоровой, занимавшей многочисленные ключевые посты: секретаря парторганизации, заведующей научным центром, убежденной коммунистки, последовательно следовавшей линии партии. По воспоминаниям Е.В. Гутновой, Сидорова даже выглядела соответствующим образом: «...Ни дать ни взять комиссар времени гражданской войны, аскетичная в одежде и прическе, словно боясь показаться красивой, она сохраняла облик женщины двадцатых годов, считала все удобства жизни, а может быть, и ее радости, признаком мещанства» [5, с. 328]. Она резко контрастировала с импозантной профессурой, предпочитавшей стиль, близкий к классическому дореволюционному. В данном случае идейность и некоторая романтическая преданность советским идеалам выражалось и во внешнем виде Н.А. Сидоровой.

Фигура Сидоровой оценивается по-разному. Так, Е.В. Гутнова считает ее человеком принципиальным и порядочным, отмечая печать времени, лежавшей на ней [5, с. 328-335]. Негативно, при этом признавая реальную помощь с ее стороны, о Сидоровой отзывался А.Я. Гуревич: «Она персонализировала новый курс в исторической науке, оттеснила прежних виднейших медиевистов, заменила их новыми людьми, воспитала их (о, нет, не в научном отношении!)... В пределах медиевистики именно Н.А. Сидорова способствовала больше, чем кто-либо, вырождению медиевистики в Москве...» [4, с. 40]. Многие уважа-

емые историки ее побаивались и остерегались. Она считалась карьеристкой и женщиной властолюбивой [16, с. 59]. Очевидно, что амбиции Поршнева и Сидоровой столкнулись.

Противоборство между двумя историками регулярно всплывало на заседаниях партбюро. Так, на обсуждении 6 июля 1945 г. главы, написанной Поршневым о Людовике XIV и предназначенной для вузовского учебника, Сидорова утверждала, что «если бы весь учебник был написан в таком же стиле как эта глава, студентам было бы очень трудно учиться и невозможно сдавать экзамен. Глава не исторична. Наша историческая наука стоит на таком уровне, что в учебнике можно дать в нужной пропорции и фактологию и социологические выводы. В статье мало конкретности»¹. На что Поршнев грубо ответил, что Сидорова еще начинающий педагог и не может квалифицированно оценить качество материала и его восприятие студентами. В ходе возникшей перепалки Поршнев заявил, что Сидорова пренебрегает марксистской теорией². Для нее это было страшным оскорблением. «... Недопустимо обвинение ее в том, что она пренебрегает марксистской теорией. Она член партии и с марксистской теорией она сжилась, она является для нее мирозерцанием и пренебрегать ею она никак не может»³, – парировала Сидорова.

На сторону Сидоровой встал председательствовавший на заседании Ф.В. Потемкин. «Ф.В. Потемкин выражает сожаление по поводу чрезвычайно

неприятного инцидента – тяжелого обвинения, которое было сделано т. Поршневым по адресу т. Сидоровой. Он полагает, что выразит общее мнение всего сектора, осуждая манеру полемики т. Поршнева с т. Сидоровой и считая обвинение, брошенное т. Сидоровой, необоснованным»⁴, – зафиксировано в протоколе.

Инцидент всплыл на открытом партийном собрании, где Сидорова назвала выступление Поршнева «политической клеветой и шантажом»⁵. Партбюро решило взять это дело в свои руки. В дальнейшем Сидорова стала одним из организаторов настоящего похода советских медиевистов против Поршнева.

В Историко-архивном институте с конца 1930-х гг. сложилась особая форма противостояния между «архивистами», то есть теми, кто считал, что в институте бесспорный приоритет должен отдаваться архивоведческим дисциплинам и утилитарной подготовке работников архивной сферы, и «историками», считавшими, что студенты должны получать не только прикладное знание, но и широкую общегуманитарную, естественно в первую очередь историческую, подготовку [10, с. 269, 275]. Спор шел за часы, влияние на жизнь института, в конце концов, за влияние на студентов.

«Архивисты» были представлены В.В. Максаковым, И.Л. Маяковским, Г.Д. Костомаровым и М.Г. Митяевым. В «историки» попадали А.И. Андреев, Л.В. Черепнин, А.П. Новосельский

⁴ Там же.

⁵ Центральный архив общественно-политических движений г. Москвы. (Центральный архив города Москвы). Ф. 211. Оп. 2. Ед.хр. 5. Л. 47 об.

¹ Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 285. Л. 42.

² Там же. Л. 43 об.

³ Там же. Л. 44.

и многие другое. Особенно конфликт усилился в военные годы, когда институт возглавлял П.Б. Жибарев [17, с. 60-61]. Его заместителем по научной и учебной работе стал профессор А.И. Гуковский. «Архивисты» его неоднократно обвиняли в пренебрежительном отношении к их дисциплинам. Причем партийное бюро института взяла сторону архивистов, оказавшись в оппозиции к директору.

Конфликт выразился и в форме научной борьбы. Так, своеобразным маркером политической лояльности и принадлежности к группировкам стало отношение к наследию А.С. Лаппо-Данилевского. В военное время в Историко-архивном институте преподавало немало непосредственных учеников выдающегося историка. Например, А.И. Андреев и С.Н. Валк [17, с. 64-65]. Они всячески старались актуализировать в преподавании источниковедения и документоведения научное наследие своего учителя. 7 февраля 1944 г. должно было состояться заседание памяти выдающегося ученого. Но против выступили «архивисты» И.Л. Маяковский и В.В. Максаков. Мероприятие было сорвано [12, с. 294-296].

Особенностью конфликтов в среде советских историков являлось частое вмешательство в них идеологических органов, в особенности Отдела науки ЦК. Для решения своих проблем можно было воспользоваться связями в отделе, написать донос на противника, публично обвинить его в больших теоретико-методологических ошибках и т.д. Все это прекрасно понимали. Медиевист Е.А. Косминский оставил после себя серию карикатур на своих коллег: «Этот член-корреспондент, а затем академик хорошо видел и по-

нимал академическую элиту, всю эту камарилью, которая отплясывала свой танец под эгидой ЦК КПСС, и запечатлел их в серии рисунков, не оставляющих сомнения в том, что он про них думал» [4, с. 20]. Нужно отметить и то, что контролирующие органы активно использовали конфликты как инструмент манипулирования научно-историческим сообществом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Булыгина Т.А. Общественные науки в СССР 1945-1955 гг. – М.: Знак, 2000. – 239 с.
2. Бурдые П. Поле науки // Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – М.- СПб.: Алетейя, 2002. – С. 107-140.
3. Воронкова С.В. Сидоров Аркадий Лаврович // Историки России. Биографии. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – С. 728-735.
4. Гуревич А.Я. История историка. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 283 с.
5. Гутнова Е.В. Пережитое. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 462 с.
6. Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-1950-е гг.). – Брянск: Издательство Брянского государственного университета, 2005. – 798 с.
7. Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. – 1999. – № 3. – С. 142-169.
8. Колесник И.И. Историография в контексте теории сетей // Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева. Сб. ст. Т. I. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2013. – С. 105-135.

9. Лельчук В.С. Уроки Городецкого (к 90-летию со дня рождения) // Отечественная история. – 1997. – № 1. – С. 118-132.
10. Леушин М.А. Документы ВКП(б) (КПСС) как источник по истории исторической науки в СССР: 1945-1955 гг. Рукопись диссертации на соиск... к.и.н. – М., 2000. – 421 с.
11. Некрич А.М. Поход против «космополитов» в МГУ // Континент. 1981. № 28. – С. 301-320.
12. Простоволосова Л.Н. О несостоявшемся заседании памяти А.С. Лаппо-Данилевского в Историко-архивном институте (1944 г.) // Археографический ежегодник за 1994 г. М.: Наука, 1996. – С. 276-280.
13. Свешников А.В. «Вот Вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в. // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 1. – Омск: Издательство Омского государственного университета, 2005. – С. 231-261.
14. Сидоров А.Л. Институт красной профессуры // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 1. – Омск: Издательство Омского государственного университета, 2005. – С. 363-425.
15. Рыжковский В. Советская медиевистика and beyond [Электронный ресурс]. URL: http://polit.ru/article/2009/09/18/ryzhkovskiy/#_ednref26 (дата обращения 25.05.2014)
16. Стам С.М. Моя жизнь, друзья и наука // Средневековый город. Вып. 17. – Саратов: Издательство Саратовского государственного университета, 2006. – С. 8-63.
17. Хорхордина Т.А. Гуманитарный университет в Москве. История идеи. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2012. – 294 с.

УДК 930.23

Егоров Д.И.*Московский государственный областной университет*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ ИСТОРИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

Аннотация. Научная новизна статьи заключается в попытке обозначить причины отрицательного влияния «лингвистического поворота» в постмодернистском виде на нормы профессиональной этики и задачи исследовательской практики исторической науки. Одна из причин видится в некорректном использовании средств литературной критики при интерпретации понятий «историческая теория» и «исторический факт». Развитие исторической науки невозможно без активного взаимодействия со смежными дисциплинами. Но это должны быть научные дисциплины, а не литературная критика. Современным междисциплинарным проектам, особенно тем, что возникли на почве «лингвистического поворота», представляется необходимым учесть пройденный опыт.

Ключевые слова: литературная критика, профессиональная этика, дискурс, постструктурализм, интерпретация, репрезентация.

D. Yegorov*Moscow State Regional University*

LITERARY CRITICISM ABOUT THEORETICAL CONCEPTS OF HISTORY

Abstract. Scientific novelty of the article is in an attempt to designate the reason of the negative influence of the “linguistic turn” in its postmodern kind on the norms of professional conduct and the goals of research in historical science. The author considers one of the reasons of it to be the incorrect use of literary criticism means for the interpretation of the concepts “historical theory” and “historic fact”. The development of historical science is impossible without its active interaction with the related disciplines. They should be scientific disciplines, but not the literary criticism. Modern interdisciplinary projects, especially those which have arisen on the basis of the “linguistic turn”, should certainly take into consideration that experience.

Key words: literary criticism, professional conduct, post-structuralism, discourse, interpretation, representation.

Профессионально-дидактические предписания для историков в первом подобного рода пособии «Как следует писать историю» Лукиана из Самоса-ты (II век н.э.), в наши дни могут показаться наивными: «Итак, да будет мой историк таков: бесстрашен, неподкупен, независим, друг свободного

слова и истины... не мечущийся во все стороны в зависимости от чужого мнения, но описывающий то, что есть на самом деле»; а также: «Задача историков не такова, как у ораторов; то, о чем надо говорить, должно быть рассказано так, как оно есть на самом деле. Ведь все это уже совершилось – надо только расположить все и изложить» [4, с. 94].

Если в первой цитате за препятствием представить прошлое «как оно было на самом деле» просматривается субъективность историка, то во второй цитате препятствием выступает неверная форма описания, где излишняя риторичность – «как у ораторов», может исказить правду.

Субъективно-идеалистические направления в историографии в XIX в (романтизм, неокантианство и др.) обосновывали невозможность всецело объективного познания прошлого, так как невозможно, чтобы исследователи не руководствовались своими убеждениями, интересами, ценностями и т.д. Лингвистические направления XX в, которые представляют Р. Барт, Х. Уайт, Х. Келлнер, Ф. Анкерсмит, авторы «нового историзма» и др., обосновывают невозможность разграничения реализма истории и вымысла литературы, так как они полагают, что риторические средства убеждения подменяют в историографии аргументацию научно-теоретического характера. Отменяют ли высказанные критические суждения профессионально-этические идеалы, обозначенные Лукианом? Конструктивная роль критики заключается в совершенствовании исследовательской практики при сохранении ориентации на профессиональные идеалы. Их скептическое отрицание делает критику деструктивной, в конечном итоге не нацеленной на практический результат.

В отдельных аспектах критические вызовы пониманию исторического познания как идентичного научному виду деятельности были положительно восприняты историческим сообществом: внимание к индивидуальному и уникальному, методологический плю-

рализм, критическая саморефлексия творчества, деидеологизация знания. Но за этим непременно следуют затянувшиеся с XIX в теоретические дискуссии о научном или художественном характере исторического познания, производящие массу неразрешимых эпистемологических проблем, тормозящих развитие историографии и существенно принижающие ее общественное значение. На каждом новом этапе «критика исторического разума» [3, с.187] предстает во все более скептическом и бескомпромиссном варианте. С конца 60-х гг. XX в «лингвистический поворот» в метатеоретической перспективе, то есть с позиций другой дисциплины, анализирует теоретические понятия историографии, приходя к неутешительным для нее выводам. Последовавший радикальный скептицизм был предопределен, так как метатеоретической платформой была избрана литературная критика. Причина скепсиса видится в кардинальной противоположности задач, которые ставят перед собой историки и литературные критики в своей исследовательской деятельности.

Задачи литературной критики заключаются в вынесении субъективной оценки произведению исходя из личных предпочтений критика и реалий его времени, а также в поиске альтернативных форм образного отображения действительности. Эти задачи определяют характерные цели, критерии оценок, правила профессиональной этики, которые не могут быть свойственны историографии. Задачей историка является увидеть сквозь дважды субъективированный текст его объективное содержание [2, с. 143-147], не допускать презентизма в суж-

дениях, искать пути к инвариантной репрезентации действительности прошлого. Необходимо отметить, что литературная критика не тождественна литературоведению, задачи которого – на научной основе раскрыть существовавший культурный контекст произведения, средства которого полезны для обогащения междисциплинарного потенциала исторической науки, так как историки склонны выражаться литературным языком.

В своих рассуждениях представители постструктурализма-постмодернизма опираются на релятивные свойства языкового фактора и направляют усилия на обоснование того, что нет критериев истинной репрезентации картины прошлого, а каждый источник имеет бесконечное количество вариантов интерпретации. Их методология разрабатывалась в среде литературоведов, и цели ее применения определили значение лингвистического подхода как теоретической платформы литературной критики. Отталкиваясь от абсурдной субъективной позиции социального критицизма, постструктуралисты задались целью обличать мифологическую сущность всех без разбора теоретических концепций социально-исторического развития, пренебрежительно названных ими «мета-нарративами». Утверждая, что любые попытки рационально осмыслить прошлое как процесс диктуются идеологическими убеждениями, они без критики относятся к своей леворадикальной философии, не способной предложить реальных путей преобразований и действующей лишь стихийными отрицаниями и протестами. Эта зыбкая платформа оппозиционной европейской и американской интеллигенции 1960-1970-х г. определила

их негативное отношение к исследовательской практике историографии. Работая в рамках поставленных ими псевдопроблем, современный законодатель критериев профессиональной этики – новая интеллектуальная история – приводит к следующим выводам: «... являются ли поиски связанности первейшей задачей историков? Я так не думаю, поскольку историки предложили и продолжают предлагать много других вещей, помимо связанности. В самом деле, если бы когерентность была их главным продуктом, они были бы мифотворцами и баснописцами, а вовсе не историками. Одна из наиболее важных вещей, которые историки предлагают или должны предлагать, – это критический взгляд на прошлое, на настоящее и на наше использование прошлого в настоящем. Критика здесь означает обнаружение разломов и противоречий – в прошлом, репрезентациях историками прошлого...» [5, с. 356].

Основной задачей всякого исследователя является в целостном и системном виде, то есть на теоретическом уровне, представить выявленные им отдельные положения по конкретной проблеме. Но для историков, оказывается, важнее непрерывно подвергать критике бывшие и существующие концепции исторического знания, которые под влиянием представителей «лингвистического поворота» стали ассоциироваться с «метанарративами» – повествовательными репрезентациями прошлого, сотканными из понятий господствующего идеологического дискурса. Якобы необходимо отказаться от данной спекулятивной практики, увидеть специфику и многообразие прошлого через экспериментирование с сюжетными образами, в

которых можно представить историю. Так, Х. Уайт предлагает историкам заимствовать способы репрезентации у левых направлений авангардизма [7, с. 33-38]. Постмодернисты пошли еще дальше, полагая возможным уподобить историческое повествование их художественным экспериментам, где нет общей сюжетной линии и ясно различимого смысла. Подобные предложения – не что иное, как иррационализация исследовательской практики и подмена задач историографии задачами литературной критики.

Почему историческая наука стала объектом литературной критики? Интеллектуальные движения, такие, как «Тель Кель», ощущали неудовлетворенность культурной обстановкой в середине XX в и находились в поиске форм, альтернативных эстетике модернизма, которая для них являлась олицетворением недостатков буржуазного общества. Учитывая политизированность того времени, критика не ограничилась областью искусства и обратилась ко всем сферам жизни западного общества, став тотальной. Что же можно назвать тотальным, если не включить в это понятие философскую и историческую составляющие? Те же средства, которыми постструктуралисты анализировали произведения О. Бальзака и Э. По, они сочли уместным применить к Гегелю и Ранке. Не делая принципиальных различий между текстами литературными, философскими или историческими, они объединили их по схожим формальным признакам и утверждали, что заложенные в них смысловые значения относительно-изменяемые к контексту употребления, потому не способны отражать действительность. Рациональное ос-

мысление исторического прогресса на научно-теоретической основе – не более чем рассказы (нарративы) об исключительной роли западной культуры, общественного устройства, мировоззрения. Раскрывая мифическую сущность западно-центристских предрассудков, выраженных в историографии, леворадикальная оппозиция выражала свое отношение к существовавшим буржуазным ценностям, колониализму, идеологическому противостоянию и т.д., если они апеллировали к историческому наследию. Ради этих временных по своему характеру целей постструктуралисты не пренебрегли тотальной критикой всего комплекса знания о прошлом и средств его познания.

Для обоснования того, что средства анализа литературной критики имеют значение в практике историографии, прежде всего, необходимо было исказить представления о свойствах эмпирического содержания теорий. Вот как формалистично с этой задачей справился Р. Барт: «С того момента, как в дело вступает язык, факт может определяться лишь тавтологически: упомянутое вытекает из достойного упоминания, а достойное упоминания – начиная с Геродота, у которого это слово утратило свой мифический смысл, – есть всего лишь достопамятное, то есть заслуживающее того, чтобы быть упомянутым. Так мы приходим к парадоксу, которым и регулируется вся система исторического дискурса (в отличие от других типов дискурса): факт обладает лишь языковым существованием (как элемент дискурса), но при этом все происходит так, будто его существование – просто “копия” какого-то другого существо-

вания, имеющего место во внеструктурной области, в “реальности”»[1, с. 437].

Барт полагает оправданным пренебречь инвариантностью данных, составляющих факт, по существу, не зависящих от дискурса, в котором они получают интерпретацию. Не важно, посчитал бы Геродот достойным упоминания Марафонской битвы или нет, делал бы это он или персидский историк, смысл произошедшего, и тем более результат, остались бы неизменными. Говорить о том, почему данные инвариантны, представляется излишним, так как ни одно сведение источника не может считаться достоверным, если не имеет подтверждения в других независимых письменных источниках, а лучше – в материальных источниках. Факт появляется, когда данные интерпретируются через теорию, но сама теория данных для источников не создает. Отсюда другое правило исторического исследования – использовать фактические данные того, что можно назвать источником, а не его интерпретации. К тому же опытный историк найдет в произведении Геродота те сведения, которые он не посчитал нужным упомянуть, а наличие скрытой информации уже противоречит утверждению, что факты конструируются семантикой текста. Игнорирование значения общеизвестных исследовательских процедур позволяет Барту выводиться надуманные парадоксы, поиск которых – старейший прием литературных критиков, когда ошибки формальной логики выдаются за содержательные.

Если для литературоведа Барта допустимо рассуждать о характере исторического знания в формальном дискурсивном аспекте, то для историка Х.

Уайта это не может быть оправданным. В качестве историка Уайт не разделяет абсурдное мнение, будто всякое знание о прошлом если выражено дискурсом, то не более чем «эффект реальности», и не рассматривает проблемы происхождения сведений, фактов и т.п., он обращается к критике теоретической составляющей знания. Анализируя сюжетные типы, формы риторической аргументации, этико-идеологические подтексты, стили произведений, он пришел к выводу, что в системном виде перечисленные явления составляют синтаксический, семантический и прагматический аспекты исторического познания, то есть весь его теоретический комплекс. В определенных местах Уайт оговаривает, что к его подходу следует относиться как к формализму, то есть провести некий мысленный эксперимент и рассмотреть знание о прошлом с позиций риторики. Но выводы говорят сами за себя – когнитивная безответственность историков, вымышленный характер дискурсов, создающих образы прошлого, эстетическая природа исторического познания и многое другое, не оставляющее и намека на научность знания. Уайт даже предположил, что допустимо репрезентировать прошлое в любой форме, соответствующей потребностям современности[6, с. 18-56].

Высказанные выводы закономерны, так как Уайт в своей книге «Метаистория» не руководствовался теми задачами, которые ставят перед собой специалисты по историографии, а действовал как литературный критик. Он поверхностно касается анализа тех факторов, под влиянием которых складывались способы объяснения и описания прошлого в XIX в, но рассматривает объяснение и описание как взаимосвязанные

компоненты символизации (метафоризации) прошлого, то есть перевода его в систему значений, понятных современнику. Принцип тот же, что и у Барта – языковая природа факта для которого является предпосылкой для интерпретации смысловых значений упомянутых событий, у Уайта – символическая природа теории является предпосылкой для форм репрезентации картины исторического развития. Если Барт не счел нужным принять во внимание, что в исследовательской практике каждое новое смысловое значение факта должно подкрепляться инвариантными данными, то Уайт, «обличая» мифическую сущность концепций развития, не уделяет принципиальное внимание тому, что понятия, характеризующие причинно-следственные закономерности и составляющие научную теорию, должны иметь материалистическую сторону обоснования. Для него законы социального развития – не более чем риторические обороты, актуализированные в определенном культурном контексте. В русле данной логики, надо полагать, если мы изменим смысловое значение понятий, тогда неолитические революции не будут вести к демографическим взрывам, а промышленные перевороты – к урбанизации и т.п., – законы, сформулированные в понятиях, десятки раз проверенные на эксперименте с неизменным результатом. Используя аргументацию формализма, Уайт предопределил сферу применимости своего подхода – это не более чем критика эстетических характеристик исторических произведений XIX в с позиции эстетических предпочтений середины XX в. Собственно, этим и занимаются литературные критики.

Практика подменять изучение объекта изучением дискурсов об этом объекте и бесконечное распыление смыслов текстов утратила привлекательность сейчас у самих литературоведов, где со снижением интереса к постмодернистской литературе утверждаются новые методы анализа – не постструктуралистского характера. Если в среде своего происхождения указанные тенденции преодолеваются, то историография тем более не должна развиваться с оглядкой на них. Изменились те культурные и социально-политические обстоятельства, в рамках которых во второй половине XX в было востребовано подвергать сомнению научный характер эмпирического и теоретического уровней исторического познания с точки зрения левого радикализма и формализма. Проблема, актуализированная в лингвистическом повороте – роль языкового фактора в развитии исторических представлений, не разрешима с позиций литературной критики. При следовании данной практике возникают еще более сомнительные идеи, чем те, которые высказали Р. Барт и Х. Уайт. Например, отказ от макроисторических репрезентаций или «метанарративов», в определении Ф. Лиотара, или антиинтерпретационный подход в «новом историзме». Когда неокантианцы актуализировали роль ценностного фактора, то после надуманного разграничения понадобился целый век для обоснования неразрывной взаимосвязи номотетических и идеографических методов в историческом исследовании. Долговременные дискуссии возможно было избежать, если бы субъективисты не абсолютизировали роль индивидуализирующего

подхода. При всей важности внимания к языковому фактору, сколько понадобится времени, чтобы преодолеть противопоставление дискурсивного и объективного в историческом познании – трудно предположить. Большое внимание сегодня анализу эпистемологических проблем уделяется в новой интеллектуальной истории, но пока ее практика заиклена на создании все новых и новых версий на тему социального конструктивизма.

В ситуации информационной инфляции, фрагментации знания и расплывчатости норм исследовательской деятельности историков более продуктивным представляется приостановить критические вызовы теоретической составляющей исторического знания, которые формулируют не специфические для исторической науки задачи и подрывают идеалы профессиональной этики, например те, что предложены Лукианом. Это всего лишь идеалы, и обосновать проблема-

тичность условий их существования нетрудно, труднее хоть в какой-либо мере приблизиться к их реализации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: изд. им. Сабашниковых, 2003. – 441 с.
2. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 2003. – 486 с.
3. Копосов Н.Е. Как думают историки. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 326 с.
4. Лукиан Самосатский. Сочинения. Т-2. – СПб.: Алетейя, 2001. 538 с.
5. Мегилл А. Историческая эпистемология. – М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2007. – 479 с.
6. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург.: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.
7. White H. Tropic of Discourse: Essay in Cultural Criticism. – L.; Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1978. – 178 p.

УДК 9:93/94

Фукс А.Н.*Московский государственный областной университет*

ЗНАЧЕНИЕ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ДЛЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается ключевая проблема современной отечественной историографии – историографическое содержание школьных учебников по отечественной истории. В современных непростых условиях – в условиях информационной и идеологической войны – содержание курса школьной истории становится решающим фактором в идеологическом обеспечении национальной безопасности. В работе подчеркивается, что принятый Историко-культурный стандарт и разрабатываемая на его основе концепция единого учебно-методического комплекса требует совершенствования в плане выработки целостного методологического подхода и устранения элементов эклектики в интерпретации всего хода отечественной истории. Думается, что необходимо усилить акцент на роли и значении государства как гаранта социально-экономической и политической стабильности российского общества на всех этапах его развития.

Ключевые слова: учебник отечественной истории, школьное историческое образование, историческая концепция, национальная безопасность.

A. Fuks*Moscow State Regional University*

THE VALUE OF THE COUNTRY'S HISTORY TEXTBOOKS FOR IDEOLOGICAL NATIONAL SECURITY

Abstract. The article deals with the key problem of modern Russian historiography - historiographical school textbooks on Russian history. In today's challenging environment - in terms of information and ideological war - the content of school course of history becomes a decisive factor in the ideological national security. The paper emphasizes that the received historical and cultural standards and the concept of a unified educational complex developed on its basis require improvement in terms of developing a holistic methodological approach and the elimination of elements of eclecticism in the interpretation of the entire course of the history of Russia. It seems that there is a need to strengthen the emphasis on the role and importance of the state as a guarantor of the socio-economic and political stability in Russian society at all stages of its development.

Key words: national history textbook, school history education, historical concept, national security

Содержание школьного исторического образования является ключевым

направлением в идеологическом обеспечении политики национальной безопасности страны. В последние годы

содержание школьной истории стало предметом не только острых политических дискуссий, но, по сути, превратилось в арену политических баталий. В такой ситуации не представляется возможным решение стержневой задачи в области государственной национальной образовательной политики – формирование у подрастающего поколения любви к Отечеству и гордости за ее прошлое. Все национальные историографии, будь то французская, британская, немецкая и т.д., основополагающей целью исторического образования ставят формирование патриотических чувств. В современном российском обществе отношение к фактам истории и их интерпретации в учебниках является «лакмусовой бумажкой» в определении политических позиций и ученых историков и общественных деятелей. И в этом нет ничего удивительного. За всю многовековую историю становления и развития исторической мысли государственная власть осознавала значимость школьной истории в реализации задач идеологического обеспечения государственной политики. В чем причина более чем векового господства в образовательном пространстве конца XVII-XVIII вв. первой учебной книги по отечественной истории – «Синопсиса»? Ответ на него весьма прост – это не столько доступность и лаконичность излагаемого материала, сколько политические идеи, заложенные в этом историческом произведении. Это относится и к школьным учебникам Д.И. Иловайского, господствовавшим в России с 1860 по 1917 г., и ко всем советским учебникам по истории.

Обратимся к опыту отечественной историографии. Основным условием

развития современной исторической науки является расширение проблематики исследований и, соответственно, источниковой базы. Одним из приоритетных направлений в современной историографии становится изучение школьных учебников как историографических источников. В последние десятилетия выходит немало новых учебников, в которых авторы предлагают свои подходы к решению центральных проблем российской истории. В науке сложилась историографическая ситуация, суть которой в том, что новые концептуальные подходы возникают через создание школьной учебной литературы. Историографический анализ школьных учебников по истории позволяет определить основные тенденции исторической науки, а также степень разработанности ключевых проблем и наметить перспективные пути решения дискуссионных вопросов как в самой исторической науке, так и в содержании школьной истории.

Начало новому направлению в историографических исследованиях – изучение содержания школьных учебников по истории России, было дано в 80-е гг. XX в. Тогда впервые в историографической практике был исследован комплекс учебников и учебных пособий по русской истории (более ста, не включая переизданные) XIX – начала XX вв. [14-18]. Была доказана правомерность и целесообразность использования школьных учебников как историографических источников, которые, концентрированно отражая уровень развития научной мысли, явились источниками по изучению концепций не только крупнейших историков, таких, как Д.И. Иловайский, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов,

но и целых историографических школ и направлений. Изучение учебников, критических рецензий на них, опубликованных в журналах «Вестник воспитания», «Журнал Министерства народного просвещения», «Русское богатство» и других, позволило сделать вывод, что в конце XIX – начале XX вв. процесс смены официально-охранительной концепции русской истории на либеральную шел в острой идейно-политической борьбе двух направлений.

Школьный учебник зачастую являлся в тех условиях, и остается сегодня, единственным источником не только по изучению концепций, но и эволюции авторских взглядов на историю страны. Если «Курс русской истории» В.О. Ключевский заканчивает 1861 г., то «Краткое пособие по русской истории» (1-е изд. – М., 1899; 8-е изд. – М., 1917) – началом XX в. Таким образом, последовательное изложение истории пореформенной России В.О. Ключевским можно найти только в школьном учебнике. (В.О. Ключевский первоначально издавал «Краткое пособие по русской истории» как пособие для нерадивых студентов и слушателей вечернего отделения МГУ. На практике оно стало наиболее востребованным учебником во многих московских гимназиях, других средних учебных заведениях, главным образом частных.) Сравнительный анализ разных изданий учебника В.О. Ключевского фиксирует эволюцию взглядов учёного в оценке реформ второй половины XIX в по линии усиления критического отношения к ним. Содержание либеральных учебников по отечественной истории начала XX в. свидетельствует о процессе интенсивного расслоения

школы Ключевского. Его последователи разбились на два основных лагеря. Интерпретация истории России одними оставалась в русле концепции В.О. Ключевского, другие, испытав заметное влияние демократических идей, образовали левое крыло либеральной историографии.

Историографический анализ концепции отечественной истории С.Ф. Платонова, получившей отражение в его школьном учебнике [11], позволил пересмотреть господствовавшее в советской историографии мнение о принадлежности С.Ф. Платонова к официально-охранительной, дворянской историографии и определить место ученого в исторической науке как главы петербургской либеральной школы историков. С.Ф. Платонов продвинул значительно вперед историческую науку, придя к новым результатам в решении таких проблем, как образование государства, правление Ивана Грозного, опричнина и, особенно, в рассмотрении истории Смутного времени.

Идейно-политическая борьба, развернувшаяся в русском обществе в начале XX в, получила широкое отражение в школьных учебниках всех основных направлений отечественной историографии. Если до Первой русской революции либеральные авторы активно боролись против официально-охранительных идей, проповедуемых в учебной литературе, то после 1905 - 1907 гг., когда либеральная историческая наука вступила в полосу кризиса, эволюция либерализма идет в сторону сближения «с охранителями». По сути, либерально-монархическая схема русской истории приобретает статус официальной доктрины.

В диссертационных исследованиях И.В. Бабич (1989), А.Я. Орловского (2002), О.Н. Шапариной (2004), Т.А. Володиной (2004) на том же материале были подтверждены положения об историографическом значении школьных учебников по истории [1; 25; 4].

В последнее время предметом историографических исследований стали современные школьные учебники. На кафедре методики преподавания истории, политологии и права Московского государственного областного университета были подготовлены и успешно защищены кандидатские диссертации Н.Е. Поваляевой на тему «История России до начала XX века в современных школьных учебниках» (2005 г.), и М.А. Шабельниковой «Отражение вопросов русской культуры в школьных учебниках и в учебной литературе по истории России в XX-XXI столетии» (2007 г.) и докторская диссертация А.Н. Фукса «Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII-1930-е гг.)» [20-22].

Отметим, что проблеме историографического и историко-методического содержания школьных учебников по отечественной истории уделяется большое внимание профессорско-преподавательским составом Историко-филологического института МГОУ. Об этом свидетельствует круглый стол на тему «Проблемы концепции единого учебника по истории России в школе», проведенный в январе 2014 г. [12], а также публикация известного российского историка О.В. Волобуева в журнале «Российская история» на тему «Школьные учебники начала XX в. по русской истории: функциональность и типология» [3].

Историографическое значение учебной литературы следует оценивать исходя из понимания предмета самой исторической науки. Историческая наука получает прямой выход в социальную практику в школьных учебниках истории, которые, формируя мировоззрение подрастающего поколения, решают образовательные и воспитательные задачи. Дискуссии вокруг содержания учебников по отечественной истории стоят в центре внимания научной и общественной жизни страны. Связь между исторической наукой и обществом во все времена осуществлялась и осуществляется главным образом через школьное историческое образование. В решении проблемы соотношения «история и современность» нельзя обойтись без анализа этой связи, посредством которой реализуются социальные функции исторического познания, такие, как выяснение закономерностей истории, прогнозирующая, функция социальной памяти и, что самое важное – воспитательная. Подчеркнем, что именно в реализации социальных функций заключается ответ на вопрос «Зачем нужна история?».

Учебник истории несет в себе двойную информацию. Во-первых, содержательную (историографическую), так как он является массовым и информативным источником по изучению процесса формирования, развития и взаимовлияния различных исторических концепций. Во-вторых, школьный учебник содержит большой объем идейно-политической информации.

Правящие круги любой страны всегда это осознавали и уделяли пристальное внимание содержанию учебников истории. Еще раз обратим вни-

мание, что первый учебник истории («Синописис», 1674 г.) более ста лет был основным учебником истории в Российском государстве. Чем объясняется столь долгое его использование? Прежде всего, идейно-политическим содержанием, которое устраивало власть. В нём красной нитью проходила мысль, что единство и сохранение государственности славян может обеспечить только российское самодержавие. В XIX – начале XX вв. правительством активно поддерживались учебники официально-охранительного направления науки, содержание которых позволяло реализовывать основную задачу школьной истории – «воспитание любви и преданности Престолу и Отечеству». В начале 1930-х гг. И.В. Сталин поставил задачу написания учебников по истории СССР в свете формационной теории. Под его контролем осуществлялось написание школьных учебников и, соответственно, становление советской моноконцепции отечественной истории.

Введение в научный оборот историографии понятия «моноконцепции» требует его пояснения. В буквальном смысле историческая концепция – это система исторических взглядов. Научная модель понятия «концепция отечественной истории» включает три основных структурных компонента: первый – политическая позиция; второй – методология; третий – решение центральных проблем отечественной истории. Суть концепции не может быть понята вне анализа её теоретико-методологических и политических основ. Хочет того историк или нет, но он всегда занимает определённые теоретико-методологические и политические позиции, которые реализуются в

решении конкретных исторических проблем. К примеру, В.О. Ключевский и С.Ф. Платонов, будучи начинающими историками, независимо друг от друга заявляли, что историк должен быть свободен от политики и политических пристрастий, следовать «норматическому началу», то есть фактам и только фактам. Но с течением времени они постепенно отказались от данного постулата, стали утверждать обратное.

В истории русской исторической мысли можно выделить несколько господствовавших монистических подходов к оценке истории. В эпоху Древней Руси и раздробленности – это провиденциалистический подход (Бог определяет историю). Для дворянской историографии – это монархическая концепция, в основе которой методология рационализма и прагматизма (в центре истории – личность монархов и полководцев, отсюда главное внимание – политическим событиям). Для советской исторической науки стержень моноконцепции – развитие производительных сил общества.

В советские времена содержанию учебников придавалось огромное значение на партийном и государственном уровне. С изменением политической ситуации в стране менялось и содержание учебников, прежде всего в оценке современной истории. В учебниках по истории СССР для 10 класса средней школы (XX век. Советский период) в 1950-60-е гг. сначала развенчивался культ личности И.В. Сталина, затем исчезал с авансцены истории Н.С. Хрущев и добавлялись материалы по каждому «решающему», «определяющему» и «завершающему» годам очередных пятилеток. Тем не менее, несомненным достижением советской

эпохи впервые в мировой истории был переход в начале 1970-х гг. на всеобщее обязательное среднее образование, что обеспечивало каждому молодому гражданину страны возможность изучения истории Отечества с древнейших времён до современности.

Одним из результатов «перестройки» явился не только системный общественно-политический и экономический кризис, но и кризис общественного исторического сознания, исторической науки и, соответственно, кризис преподавания истории в школе. От советских учебников отказались, а замены им не было. (Однако в практике преподавания учителя по-прежнему продолжали использовать учебники по истории СССР.) Дело дошло до того, что в начале 1990-х гг. стали издаваться дореволюционные учебники и использоваться в школах. Крупными тиражами выходили учебники не только лидеров либеральной академической науки В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, но и ставшие «архаичными» еще в конце XIX – начале XX вв. учебники представителей официальной историографии И.И. Белярминова, Д.И. Иловайского, М.Я. Острогорского и других. Например, издательство «Просвещение», пытаясь заполнить образовавшийся вакуум в издании учебной литературы, в 1993 г. в серии «Учебники дореволюционной России по истории» многотысячным тиражом выпустило учебники И.И. Белярминова «Элементарный курс всеобщей и русской истории» и Д.И. Иловайского «Краткие очерки Русской истории».

Начало девяностых годов XX в характеризуется отсутствием чёткой государственной политики в области

исторического образования, «аморфностью» идеологических ориентиров. Тогда стали модными тезисы о «деидеологизации» исторического знания, которые провозглашались на самом высоком уровне. Однако призыв такого рода есть не что иное, как внедрение новой идеологии, направленной на разрушение исторических традиций и преемственности национального исторического процесса.

В 1995 г. было принято решение о введении в Федеральный комплект одновременно нескольких учебников и учебных пособий по одному и тому же курсу школьной истории. Это привело к тому, что рынок наполнился большим количеством учебников и учебных пособий (по некоторым подсчётам, около 2 тысяч наименований, из них в Федеральном комплекте было более 100), которые в большинстве не отвечали ни научным, ни дидактическим принципам построения учебной литературы. Тем не менее в процессе создания новых учебников определились основные авторские линии учебников, прежде всего, в издательствах «Просвещение», «Русское слово», «Дрофа», «ЦГО». Издаваемые ими пособия способствовали развитию историко-методической мысли. Это, в частности, относится к учебникам по отечественной истории А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной [6-8], составляющим единую линию и в содержательном плане основывающихся на позитивистских принципах построения русского исторического процесса. Большинство учебников, входящих в Федеральный комплект, объективно отражали тенденции развития исторической науки [2; 5; 13; 23; 24]. В их содержании были поставлены новые для учебной литературы и весьма ак-

туальные для сегодняшнего времени проблемы, такие, как «Реформы и реформаторы», «Модернизация», «Борьба с сепаратизмом», «Антитеррор», «Русская православная церковь и её роль в общественной жизни», «Россия – многонациональное государство» и ряд других. Решение этих проблем напрямую зависит от политических и теоретико-методологических установок авторов, от их принадлежности и самоидентификации к тому или иному нарождающемуся направлению науки. При всей неопределённости современной историографии некоторые историки выделяют такие направления науки, как «государственно-патриотическое», «национально-патриотическое», «неолиберальное», «монархическое», «традиционно-марксистское» и т.п.

Качественному росту современных учебников в немалой степени способствовала деятельность исторической секции Федерального экспертного совета Министерства образования и науки Российской Федерации, на заседаниях которой проводилась тщательная экспертиза учебников представителями академической науки, методистами, опытными учителями истории, представителями всероссийских межрегиональных ассоциаций учителей. К сожалению, в 2005 г. характер проведения экспертизы учебников изменился. Состав секции значительно сократился, и ей придана формальная функция – утверждать готовые рецензии на учебники, предоставляемые институтами РАО и РАН. Учителя истории оказались отстранёнными от процедуры утверждения учебников, рекомендуемых для вхождения в Федеральный комплект. Все это ослабило контроль над каче-

ством учебно-методического содержания учебной литературы.

Сегодняшняя историографическая ситуация вокруг школьных учебников истории во многом повторяет ситуацию, которая была в России на рубеже XIX-XX вв. В то время шла идейно-политическая борьба по вопросам содержания, принципам отбора и построения учебно-исторического материала в учебниках между представителями трех направлений науки: дворянско-монархического, либерально-буржуазного и революционно-демократического. Тогда каждый историк, каждое направление науки стремилось реализовать свои идеи не только в узких, специальных работах, но и через учебники, сделать их достоянием широкой общественности. Специфика подобной историографической ситуации заключается в том, что возникновение новых взглядов на историю идёт через создание учебников истории. В кризисные переходные эпохи проблема содержания школьной истории и, соответственно, проблема формирования исторического сознания подрастающего поколения приобретает особую остроту. Это относится и к началу XX в, и к первым годам существования Советского государства, и к перестроечной и постперестроечной России. Именно в эти переломные времена пересмотр истории, возникновение новых концептуальных подходов к оценке ключевых проблем отечественной истории, дискуссии вокруг них идут по поводу создания новых учебников по истории. И это не просто устойчивая историографическая тенденция, а, по сути, закономерность развития исторической науки и исторического образования.

Одной из основных проблем школьного учебника является его методологическое обеспечение. Оно во многом определяется политическими симпатиями и антипатиями авторов. К примеру, в книге «Историки читают учебники истории» (М.: АИРО-XX, 2002) даются порой взаимоисключающие оценки содержания учебников по истории России XX в, в зависимости от политических пристрастий авторов. Все это приводит к тому, что в методологическом плане зачастую господствует эклектический подход к оценке русского исторического прошлого. В противовес формационной трактовке основных событий отечественной истории некоторые авторы учебников стали использовать теорию модернизации и цивилизационный подход. Все больше сторонников находится у так называемого «синтетического подхода», в котором сочетаются преимущества формационной и цивилизационной теорий. Однако на сегодняшний день отсутствует единая, целостная концепция отечественной истории, охватывающая весь ее временной период. Заимствованные в западной историографии методологические подходы приводили к фрагментарному изложению истории, отказу от поиска закономерностей в историческом процессе. Во многих учебниках начала 1990-х гг. авторы практически не уделяли внимания причинно-следственным связям. Более того, в освещении политической истории XX в авторы первых постперестроечных учебников, без купюр заимствовав в западной советологии теорию тоталитаризма, использовали ее применительно к сталинскому периоду. В образе врага выступало Советское государство. По-

добный подход приводил к отождествлению режимов фашистской Германии с советским строем и вызывал справедливое возмущение со стороны ветеранов Великой Отечественной войны. Учебник А.А. Кредера, в котором в развязывании Второй мировой войны одинаково обвинялись и Германия, и СССР, был запрещен для использования в ряде регионов страны.

В 2004 г. большой общественный резонанс приобрело обсуждение учебника И. Долуцкого по истории России XX в. Развернулась дискуссия вокруг содержания учебника, особенно по изложению современной политической истории, которая в очередной раз высветила политические взгляды её участников. Ограничимся цитатой концовки этого учебника: «Аналитики уверяют, что в России «возникла тупиковая ситуация, когда существующая власть не способна справиться с проблемами», «а приход к власти левой или державной оппозиции, либо лидера с наполеоновскими амбициями лишь усугубит дело» [9]. Вряд ли мы найдем школьные учебники в какой-нибудь европейской или азиатской стране, не говоря уже о США, читая которые ученик придет к выводу, что прошлое страны страшно и ужасно, настоящее плохо, а будущее хуже того, что может себе представить самое воспалённое воображение.

На авторах школьных учебников лежит огромная ответственность за формирование исторического сознания молодежи. Это не раз подчеркивалось ведущими мировыми историками. Приведём пример тридцатилетней давности, который звучит актуально применительно к сегодняшней российской общественно-

политической и историографической ситуации. Выступая с речью на съезде историков ФРГ в городе Мангейме в 1976 г., тогдашний президент Западной Германии профессор истории Вальтер Шеель говорил, что задача преподавания истории должна быть тесно связана с вопросами формирования мировоззрения будущих граждан ФРГ в соответствии с основами её политического и общественного строя. Говоря, что историческое сознание вырабатывается в школе и что большую роль в школьном преподавании играет учебник истории, В. Шеель призывал ведущих историков к созданию учебников, отвечающих духу времени. По его словам, учебники должны писать лучшие историки, обладающие широкими знаниями, литературно-историческим горизонтом. Он даже высказал мысль, что общественно-политическая история немецкого народа могла сложиться счастливее (имея в виду фашизм), если бы в свое время школьные учебники писали такие ученые, как Леопольд фон Ранке [26, с. 135-137; 643-646].

Свое беспокойство и озабоченность содержанием школьных учебников по истории современной России справедливо высказывают и отечественные историки. Все более распространенным становится мнение, что «скепсис и ёрничанье по поводу нашего прошлого... губительны в плане воспитания у молодого поколения начал гражданственности. ... Если мы исходим из того, что общество, государство, Отечество ориентированы в будущее, то учебники по истории России неизбежно должны быть нацелены на согласие, а не на конфронтацию. Ибо

исторический опыт – это инструмент укрепления общества, а не орудие его саморазрушения» [10, с. 194].

Несомненно, исторический опыт должен служить не разрушению механизма общественной жизни, а способствовать историческому прогрессу. Содержание школьных учебников по отечественной истории призвано способствовать формированию у учащихся чувства исторического оптимизма, воспитывать истинных патриотов Отечества.

На пути реализации мировоззренческого потенциала современных школьных курсов отечественной истории встают объективные трудности и противоречия. Они вызваны, в первую очередь, самой нынешней структурой и содержанием исторического образования. Переход к «многовариативности» использования учебной литературы в школьном образовательном процессе имеет свои плюсы и минусы. С одной стороны, выход в свет различных учебников стимулировал процесс переосмысления истории, способствовал развитию самой историографии и распространению историографического подхода к оценке наиболее дискуссионных проблем. Вместе с тем в практику преподавания «многовариативность» внесла немало трудностей, прежде всего для учителя истории. Наличие многочисленных программ и учебников зачастую сбивает с толку учителя. У него нет времени и возможности знакомиться со всем многообразием предлагаемой издателями учебной литературы. На практике он лишен выбора. Ему навязывают те учебники, которые закуплены соответствующими региональными образовательными ведомствами. Переход

к Единому государственному экзамену только добавил трудностей для учителей истории, поскольку в учебниках не только по-разному интерпретируется история, но и не совпадает спектр затрагиваемых проблем. Ряд учебников, входящих в Федеральный комплект, полностью не отвечает задачам подготовки к ЕГЭ. Какой выход представляется целесообразным из сложившейся ситуации? Думается, что следовало бы возродить добрую традицию, сложившуюся в России еще во второй половине XIX в. – иметь единую государственную программу.

В последние годы неоднократно обращалось внимание на то, что введение единой государственной программы [19, с. 28-34], которая в содержательном компоненте определит взвешенные, устоявшиеся подходы к решению ключевых проблем истории России, существенно облегчит не только положение учителя, но и подготовку школьников к ЕГЭ, будет способствовать формированию у учащихся осознанного осмысления истории и, соответственно, исторического мышления. Этому также будет способствовать ограничение числа учебников, входящих в Федеральный комплект. В нем должны быть стабильные, выверенные как в содержательном, так и в методическом плане учебные пособия. Единая государственная программа поможет устранить объективные противоречия, существующие на пути реализации главной задачи, поставленной в сфере образования – задачи нравственного и патриотического воспитания школьников.

Подчеркнем, что необходимость принятия государственной программы школьного исторического обра-

зования давно назрела. Призыв руководства страны, лично президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина, к созданию единого учебника истории, по сути, является установкой к внедрению целостного концептуального подхода. А такой подход возможен при наличии единства в теоретико-методологической интерпретации исторического процесса при наличии оценочных суждений в трактовке всего фактического материала.

Принятый историко-культурный стандарт, по сути, и является единой государственной программой. Его авторы сделали заявление о формировании единой концепции исторического прошлого. Однако он в полной мере не отвечает заявленным требованиям. Научная модель единого концепта предполагает унифицированный методологический подход к решению ключевых проблем отечественной истории. Этот принцип, к сожалению, не выдержан. Элементы эклектики прослеживаются по ходу всего содержания стандарта. Остается надеяться, что принятый историко-культурный стандарт с каждым годом будет совершенствоваться и в процессе перетверждений приобретет требуемые параметры научной и политико-воспитательной целесообразности. Хочется надеяться, что стандарт станет называться не «историко-культурным», а «историческим», что более соответствует единой официальной концепции истории Российского государства, которое объединяет поликультурное общество. Думается, что необходимо акцентировать внимание в стандарте на роль институтов государственной власти в укреплении

гражданского единства многонационального и многоконфессионального населения России.

Опыт введения ЕГЭ как обязательной аттестации выпускников школ с 2009 г. показывает, что даже у абитуриентов, поступающих на исторические факультеты вузов, избравших историю как предмет профессиональной деятельности, отсутствуют основополагающие умения – анализировать исторический материал, выяснять причинно-следственные связи исторических событий, давать аргументированную оценку тому или иному историческому факту. Все это свидетельствует о необходимости усиления методических блоков стандарта, которые должны находиться в тесной связи с содержательными компонентами. Лишь при условии логического осмысления учащимися исторического процесса возможно наиболее полное использование воспитательного потенциала школьной истории.

В условиях многовариативности трактовки острых дискуссионных проблем в истории невозможно решить главную мировоззренческую задачу – формирование патриотических чувств у детей и молодежи. Современный курс отечественной истории должен в максимальном объеме раскрывать духовно-нравственный потенциал исторического наследия. В реализации воспитательных функций школьной истории необходимо ставить один из главных акцентов на героические страницы истории Отечества, на показ роли и значения крупных государственных и военных деятелей в укреплении основ Российской государственности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабич И.В. Преподавание русской истории в гимназиях и политика Министерства Народного Просвещения в конце XIX – начале XX века: Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. – М., 1989.
2. Волобуев О.В., Журавлев В.В. и др. История России. XX век. 9 кл. – М.: Дрофа, 2013.
3. Волобуев О.В. Школьные учебники начала XX в. по русской истории: функциональность и типология // Российская история. – 2014. – № 1. – С. 95 - 110.
4. Володина Т.А. Учебная литература по отечественной истории как предмет историографии (середина XVIII - конец XIX вв.): Автореф. дис. на соиск. уч. степ. докт. ист. наук. – М., 2004.
5. Зырянов П.Н. История России XIX в. 8 кл. – М.: Дрофа, 2010.
6. Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России 6 класс. – М.: Просвещение, 2011.
7. Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России 7 класс. – М.: Просвещение, – 2011.
8. Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России. XIX век. 8 класс. – М.: Просвещение, – 2011.
9. Долуцкий И. «История России XX век»: Учебник. М.: Мнемозина, – 2002.
10. Журавлёв В.В. Экспериментальные учебники как мировоззренческая и воспитательная альтернатива официальным стандартам // Историки читают учебники истории. – М.: АИРО-XX, 2002.
11. Платонов С.Ф. Учебник русской истории для средней школы. Ч. 1 - 2. – СПб., 1909 - 1910.
12. Проблемы концепции единого учебника по истории России в школе// Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки», – 2014. – № 1. – С. 8-41.
13. Сахаров А.Н., Буганов В.И. История России с древнейших времен до конца XVII века. 10 кл. – М.: Просвещение, 2002-2003.

14. Фукс А.Н. Школьные учебники по русской истории в конце XIX-начале XX в. // Советская педагогика. – 1982. – № 6.
15. Фукс А.Н. Отражение концепции отечественной истории в школьном учебнике С.Ф. Платонова // Вопросы отечественной и всеобщей истории в трудах российских историков XIX – начала XX века. – Воронеж, 1983.
16. Фукс А.Н. Школьные учебники по русской истории. – М., 1985.
17. Фукс А.Н. Идеиная борьба по вопросам содержания школьных учебников истории второй половины XIX в. – 1917 г. // Народное образование. – 1985. – № 5.
18. Фукс А.Н. Учебник по русской истории в дореволюционной России // Советская педагогика. – 1987. – №3.
19. Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографическое явление // Преподавание истории в школе. – 2007. – №7. – С. 28-34.
20. Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в.- вторая половина 1930-х гг.). – М.: Издательство МГОУ, 2010.
21. Фукс А.Н. Формирование советской моноконцепции отечественной истории и её отражение в школьном учебнике А.В. Шестакова // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2009. №2. – С. 104-114.
22. Фукс А.Н. Русская история в самом сжатом очерке М.Н. Покровского как историографический источник // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2010. №3. – С. 13-21.
23. Черникова Т.В. История России. IX-XVI вв. 6 кл. – М.: Дрофа, 2008.
24. Черникова Т.В. История России. XVII-XVIII вв. 7 кл. – М.: Дрофа, 2008.
25. Шапарина О.Н. Историческое образование в русских гимназиях в начале XX века. 1901 – февраль 1917 гг. (На материалах Московского Учебного округа): Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. – М., 2004.
26. Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. – Jahrgang 28, 1977–S. 135-137; 643-646.

Отечественная история

УДК 341.7 (470) “1676-1681”

Мерзанова А.В.

Московский государственный областной университет

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ГЕРМАНСКОЙ НАЦИИ В ПЕРИОД РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1676-1681 гг.

Аннотация. В статье приводится реконструкция возобновления дипломатических отношений России и Священной Римской империи германской нации в период русско-турецкой войны 1676-1681 гг. Автор даёт характеристику целей каждого из государств на международной арене. Особое внимание автор уделяет попыткам совместного противостояния Османской империи и выделению особенностей дипломатических отношений России и Священной Римской империи германской нации в период русско-турецкой войны 1676-1681 гг. по сравнению с мирным для России периодом 1667-1676 гг.

Ключевые слова: реконструкция, дипломатические отношения, Священная Римская империя германской нации, русско-турецкая война.

A. Merzanova

Moscow State Regional University

DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND THE HOLY ROMAN EMPIRE OF THE GERMAN NATION DURING THE RUSSO-TURKISH WAR OF 1676-1681

Abstract. Diplomatic relations between Russia and the Holy Roman Empire of the German nation during the Russo-Turkish War of 1676-1681 are reconstructed in the article. The author characterizes the goals of each state in international relations. Special attention is given to attempts of joint confrontation against the Ottoman Empire. The author emphasizes the specifics of diplomatic relations between Russia and the Holy Roman Empire of the German nation during the Russo-Turkish War of 1676-1681 in comparison with the years of 1667-1676 which were peaceful for Russia.

Key words: reconstruction, diplomatic relations, The Holy Roman Empire of the German nation, Russo-Turkish War.

Русский царь Алексей Михайлович умер 30 января 1676 г. и, поскольку

при смене царя существовала классическая процедура извещения об этом и отправки с данной целью посольств

© Мерзанова А.В., 2015.

в страны, с которыми установлены дипломатические отношения, подъячий Посольского приказа Василий Тимофеев [1, с. 514] был послан гонцом в Священную Римскую империю германской нации и Речь Посполитую [3, стб. 413]. С аналогичными миссиями гонцы и переводчики были отправлены в Данию, Швецию, Англию, Бранденбург, Голландию и Персию.

В грамоте императору Священной Римской империи германской нации Леопольду I русский царь Фёдор Алексеевич сообщал: «...Да Отец же наш... приказал нам... со всеми окрестными Великими Государи христианскими, а наипаче с вами, братом нашим Великим Государем, с вашим Королевским Величеством, пребывати в братцкой дружбе и любви, как и Отец наш...» [3, стб. 423, 475-476].

В ответной грамоте Леопольда I к Фёдору Алексеевичу от 20 сентября 1676 г. выражены соболезнования в связи со смертью русского царя и поздравления новому монарху и сообщено о продлении дипломатических отношений: «А что ваше Пресветлейшество в тойже своей грамоте горящее свое общей дружбы нас дружбно и благоволительно почитая желание объявляет, и то поистинне нам зело приятно учинилось, и против того нам ничтож благоприятнейшее и первейшее будет, яко всякие истинные дружбы поисканием томужде поборати» [6, стб. 531].

В 1679 г. в Империю Габсбургов были отправлены великие и полномочные послы: ближний боярин и наместник Суздальский Иван Васильевич Бутурлин, окольничий и наместник Каргопольский Иван Иванович Чаадаев, думный дьяк Лукьян Тимофеевич Голосов [4, стб. 949].

Одной из целей русского посольства было согласие Империи Габсбургов выступать посредником на комиссии между Россией и Речью Посполитой. В задачи комиссии входило разбирательство о неокказании Речью Посполитой помощи России при измене Ивана Брюховецкого и Петра Дорошенко и, следовательно, неисполнении Польшей военных обязательств согласно заключённому перемирию «...предлагали о хотящей меж Его Царского Величества и Королевского Величества Полского быть комисии, изволит ли Цесарское Величество по желанию Царского Величества на ту комисии своих Цесарского Величества послов в посредники послать?». Император был согласен и ждал аналогичной просьбы от короля Речи Посполитой и сообщения о времени и месте: «...Цесарское Величество чаёт, что и Полского Короля посол, которой будет в Вену вскору у Его Цесарского Величества, о том же посредстве просить будет, толко де когда Его Цесарскому Величеству с стороны Царского Величества той комисии о времени и месте подлинно известно будет и Его де Цесарское Величество послов своих в посредники на ту комисию слать изволяет...» [4, стб. 1016].

Однако главной целью России было решение османского вопроса¹.

Послы говорили сенаторам о необходимости согласованно вести военные действия против Османской империи всем трём государствам: России, Речи Посполитой и Империи Габсбургов: «...а естли за Божию всесильную помощь те три Великих Государя войну учнут весть на того неприятеля в

¹ К этому времени Россией уже были проведены успешные Чигиринские походы 1677-1678 гг.

одно время кийждо Государь со своей стороны, и тогда силою Божиею и общим тех христианских Государей военным соглашением тому неприятелю будет разорение, а всему христианству будет благоденствие и радость» [8, стб. 1022].

В связи с этим послы сообщали, что Россия уже предлагала Речи Посполитой разорвать позорный Журавненский мир, подведший итоги польско-турецкой войны 1672-1676 гг. и ознаменовавший переход Правобережной Украины (за исключением Белоцерковского и Паволочского округов) под власть гетмана Дорошенко: «И Его Королевскому Величеству и Речи Посполитой они, великие и полномочные послы, предлагали, чтоб Его Королевское Величество и Речь Посполитая для общего христианского добра неславной и вредителной им учиненной под Журавнем мир розорвали, и для отомщения своих государств многого розорения против того обчаго неприятеля не испустя пристойного времени оружие свое подняли...» [8, стб. 1018].

По словам сенаторов, и Империя Габсбургов была заинтересована в согласованных действиях. Так, они подчёркивали неприемлемость заключения мира одним из государств с Османской империей: «Его Цесарскому Величеству, без совету Царского Величества ни по которой мере ни в какие договоры с тем общим неприятелем не вступать, также подобнее и Царскому Величеству без совету Его Цесарского Величества ни в какие договоры с тем неприятелем не вступить же... И для того с обеих сторон надобно постановить крепко, что одному Государю в том военном промыслу отнюдь не покинуть и без совету не мирится» [8, стб. 1021-1022].

На этом условии Империя Габсбургов соглашалась вступить в войну против Османской империи: «...Цесарское де Величество для общего христианского добра и самдруг с братом своим с Великим Государем, с Его Царским Величеством, на того обчаго неприятеля в одно время и вскоре оружие свое военное поднять изволит» [8, стб. 1021].

При этом послам стало известно, что и персидский шах сообщал императору о необходимости ведения войны против Османской империи. Архиепископ Георгий Шелепчени, приезжавший к послам 26 июня 1679 г., сообщал им о существовании грамоты от персидского шаха к Леопольду I, «в которой писано, чтоб Его Цесарское Величество, согласясь с иными христианскими Государями, войну всчали на Турка; а как де Его Цесарское Величество и иные христианские Государы на Турка войну взочнут, он Шах уведомився о том и с своей стороны на Турка войну взочнет же; а тому де он Шах подивляется, что христианские Государы на Турка соединясь оружие поднять словами похваляются, а в делах де показывают то лениво» [8, стб. 1068, 1071].

Однако Империя Габсбургов очень быстро изменила своё решение.

6 августа 1679 г. пристав Лаврентий Хурелич приезжал к послам и говорил: «...войны против Турка Цесарское Величество всчать опасен, а надобно де против такова потужного неприятеля война всчать с великим рассмотрением. Да и то де Цесарскому Величеству сумнительно, что меж Царского Величества и Салтана Турского и Хана Крымского имеются пересылки, а о тех пересылках Цесарскому Величеству и

Королю Полкому и ведома не учине-но» [8, стб. 1079, 1081]¹.

Отказ Империи Габсбургов от данного обязательства вызывал крайнее удивление послов. В разговоре с папским легатом они говорили: «...то они великие и полномочные послы ставят в великое подивленье, что... во вчерашнем ответе сенатори им объявили, что Цесарскому Величеству с Царским Величеством без Королевского Величества Полского и Речи Посполитой войны всчать будто отнюдь невозможно, и то постоянство что приобещав, а инако переменять?» [8, стб. 1102-1103].

Но это решение Империи Габсбургов уже осталось неизменным – она отказалась воевать совместно с Россией против Османской империи. Её главным аргументом являлся факт переговоров России с Османской империей и Крымским ханством, о которых Империи Габсбургов сообщено не было.

В 1680 г. из России в Империю Габсбургов был послан гонец подъячий Посольского приказа Михаил Тарасов. Он должен был передать Леопольду I грамоту от царя Фёдора Алексеевича [2, стб. 1161-1164] от 3 апреля 1680 г.

Россия была заинтересована в посредничестве Империи Габсбургов в переговорах с Речью Посполитой.

¹ Следует отметить, что дипломатические контакты между Россией и Османской империей действительно были: посольство стольника С. Алмазова 1677-1678 гг.; посланников стольника А. Поросукова, подъячего Ф. Старкова и переводчика Г. Волошанинова в 1677-1679 гг.; дворянина В. Даудова, подъячего Ф. Старкова, переводчика Г. Волошанина в 1678-1681 гг. Также дипломатические отношения сохранялись и с Крымским ханством: посольство 1678-1682 гг. посланников И. Сухотина, дьяка В. Михайлова, Л. Григорова, переводчика И. Спиридонова; в 1679-1680 гг. – посланников стольника Б. Позухина и подъячего Г. Долгова: [7].

Грамота Фёдора Алексеевича к Леопольду I содержит отсылку к истории посредничества Империи Габсбургов в русско-польских отношениях: «...а во время постановленного, с... Речью Посполитой, перемирья во 175 [1667] году о посредстве с той любви обнадежили есте из доброхотного своего намерения вы Великий Государь, ваше Цесарское Величество, в миротворении быть с нашии Царского Величества стороны в посредстве не отречетесь и послов своих на комисию послать изволите...» [2, стб. 1161-1162].

Грамотой объявляется, что русские послы окольный и наместник Чебоксарский Иван Афанасьевич Прончищев и дьяк Емельян Украинцев заключили в 1880 г. договор «с паны радою» о комиссии: «в которое время и на котором месте между нас обоих Великих Государей той комиссии с посредники быть. ...И вам брату нашему Великому Государю, вашему Цесарскому Величеству, по прежнему своего Цесарского Величества доброхотному намерению... изволити своих Цесарского Величества великих и полномочных послов слать и в любительной своей грамоте... к нашему Царскому Величеству о своих... великих и полномочных послах писать...» [1, стб. 1162-1163]. Предложение о посредничестве Россия направила также в Данию [2, стб. 1163].

В данном случае отправка гонца свидетельствует не о низком значении, которое придавалось посольству Русским двором, а о необходимости решить вопрос о посредничестве Империи Габсбургов как можно быстрее. В памяти Михаилу Тарасову [5, стб. 1164-1178] указывалось, что, приехав в первый имперский город, следу-

ет сообщить коменданту или уряднику, что гонец прибыл «наскоро» и ему следует дать подводы, пристава, провожатых и отпустить его, не задержав¹. И возвращаться в Россию гонец также должен был, «немешкая нигде ни часу» [5, стб. 1176].

Особенно подробно прописывался вопрос о недопустимости посещения гонцом не императора, а думных людей и передаче грамоты им: «И стоять о том накрепко и к думным людям Великого Государя с грамотою, мимо Цесаря, не ходить» [5, стб. 1165-1166].

В случае вопросов о международных отношениях России Михаилу Тарасову предписывалось сообщать о «дружбе и любви» с окрестными государями (в частности, персидским шахом и польским королём)². Перед самим же гонцом также стояли разведывательные задачи: «А будучи Цесарского Величества в земле проводывати ему как Цесарское Величество с Турским Султаном и с иными окрестными Государями, с Гишпанским и со Французским и с иным, и послы и посланники меж ими ходят ли, и впред меж ими чего чаять, да и об иных о всяких делах разведать подлинно всякими мерами, а что проведает, и то себе записать подлинно» [5, стб. 1175-1176].

Таким образом, в 1676-1681 гг. вопрос о посредничестве Империи Габсбургов на комиссии между Россией и Речью Посполитой остался нерешённым. Кроме того, в условиях русско-

турецкой войны Империя Габсбургов отказалась вести военные действия против Османской империи.

Следовательно, с 1676 по 1681 гг. центральными в отношениях России и Империи Габсбургов были два вопроса.

Один из них – вопрос об имперском посредничестве между Россией и Речью Посполитой. Здесь наблюдается значительная эволюция по сравнению с мирными для России 1667-1676 гг.: если в 1668 г. Россия была заинтересована в посредничестве Империи в заключении «вечного мира», то в 1679 г. данная необходимость была при разбирательстве по поводу невыполнения Речью Посполитой обязательств, возложенных на неё Андрусовским перемирием 1667 г. Вопрос о посредничестве так и остался подвешенным в воздухе.

Второй и главный вопрос в отношениях России и Империи Габсбургов в это время – проблема преодоления турецкой опасности. И если в мирный для России период (1667-1676 гг.) Империя Габсбургов постепенно склонялась к согласованным военным действиям, то с началом русско-турецкой войны (1676-1681 гг.) её окончательным решением стала позиция невмешательства.

Таким образом, к 1681 гг. обмен посольствами стал менее активным, особенно по сравнению с 50-ми гг. XVII в. При этом Россия и Империя Габсбургов имели уже меньше точек соприкосновения интересов, чем в 1654-1667 гг., но сохранили в качестве таковой характерный с 1654 г. вопрос о посредничестве Империи между Россией и Речью Посполитой.

¹ Память Михаилу Тарасову от апреля 1680 г. // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 5. Стб. 1164-1165.

² Память Михаилу Тарасову от апреля 1680 г. // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 5. Стб. 1175.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. – М.: Наука, 1975. – 608 с.
2. Грамота Фёдора Алексеевича к Леопольду I от 3 апреля 1680 г. // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. В 10 тт. Т. 5. С 1675 по 1680 гг. – СПб, 1858. – Стб. 1161-1164.
3. Доклад от 1676 г. об извещении о смерти Алексея Михайловича // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. В 10 тт. Т. 5. С 1675 по 1680 гг. – СПб, 1858. – Стб. 413-416.
4. Наказ И.В. Бутурлину, И.И. Чаадаеву, Л.Т. Голосову от 6 февраля 1679 г. // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. В 10 тт. Т. 5. С 1675 по 1680 гг. – СПб, 1858. – Стб. 949-950.
5. Память Михаилу Тарасову от апреля 1680 г. // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. В 10 тт. Т. 5. С 1675 по 1680 гг. – СПб, 1858. – Стб. 1164-1178.
6. Перевод с грамоты Леопольда I к Фёдору Алексеевичу от 22 сентября 1676 г. // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. В 10 тт. Т. 5. С 1675 по 1680 гг. – СПб, 1858. – Стб. 529-532.
7. Рогожин Н.М., Богуславский А.А. Посольские книги России конца XV – начала XVIII в. Электронная база данных. [Электронный ресурс]. М., 2007. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/Posolbook/PosolBook.html#d123060>, свободный (дата обращения: 10.09.2014).
8. Статейный список И.В. Бутурлина, И.И. Чаадаева, Л.Т. Голосова // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. В 10 тт. Т. 5. С 1675 по 1680 гг. – СПб, 1858. – Стб. 950-1160.

УДК 94(47)

Короткова А.В.*Московский государственный областной университет***МОСКОВСКАЯ АДВОКАТУРА В 1860-1900-Х ГГ.**

Аннотация. В период правления Александра II были проведены ряд реформ, которые затронули все сферы жизни общества. Особенно судопроизводство Российской империи требовало изменений. В статье рассматривается процесс создания института присяжной адвокатуры, без которой нельзя было говорить о справедливом и бесспорном суде. Большое внимание уделено московским присяжным поверенным, сыгравшим заметную роль в деятельности корпорации и общественной жизни страны. А в начале XX в. примут участие и в политической сфере.

Ключевые слова: сословие присяжных поверенных, корпорация, совет, реформа, суд.

A. Korotkova*Moscow State Regional University***MOSCOW ADVOCACY IN THE 1860-1900S**

Abstract. During the reign of Alexander II there were a number of reforms that affected all aspects of the society. Legal proceedings in the Russian Empire needed urgent changes. The article discusses the process of creating the institution of jury advocacy without which it was impossible to speak about a fair trial. Great attention was given to Moscow jurymen who played a prominent role in the activities of the corporation and in the public life of the country.

Key words: jurymen class, corporation, council, reform, court .

Реформы Александра II затронули все сферы жизни российского общества, их следствием стало постепенное раскрепощение личности, пробуждение её самостоятельности и общественной инициативы. Раскрепощающемуся обществу требовалась и соответствующая новым условиям судебная система, тем более, что вопрос о судебной реформе вызревал уже давно.

Сословный суд не мог удовлетворять общество после проведения Крестьянской реформы 1861 г. Царившие в суде мздоимство и произвол судебных чиновников вызывали нарастающий протест.

Реформа 1864 г. изменила всю правовую систему Российской империи, приняв совершенно новые положения, которые в своей основе действуют и в настоящее время: состязательность сторон, правозаступничество, суд присяжных. Прежние судебные инстанции были ликвидированы, на их месте были образованы общие и мировые (с упрощенным порядком судопроизводства для разбора незначительных уголовных и гражданских дел) и общие суды. Для придания суду независимости и законности вводились институты адвокатуры и прокуратуры.

Судебная реформа разделила суд на «старый» и «новый». «Старый» суд до

1864 г., по мнению современников, был «печальным памятником» бессудия и бесправия [9, с. 2]. Современные исследователи говорят даже об «инквизиционном» характере, который носил процесс в России в то время [1, с. 3].

Для современников события 1864 г. надолго остались в народной памяти, так, «в течение сорока лет, прошедших со дня введения судебных уставов, ноябрьские дни всегда справлялись у нас, как праздник русской общественности. На празднике этом старцы вдохновенно рассказывали о пережитых некогда минутах душевного подъема...» [4, с. 1]. Но не только свидетели той эпохи положительно оценивали проводимую реформу, по мнению отечественных и зарубежных исследователей, «судебная реформа стала наиболее радикальной, новаторской и *технически* успешной из всех Великих реформ...» [3, с. 305]. В результате преобразований появились новые формы судопроизводства, которые, как отмечают ученые, «явились показателем перевеса сил демократии, хотя и в рамках самодержавной России» [15, с. 22]. И одним из новшеств реформы стало создание особого сословия – присяжных поверенных.

До судебных уставов 1864 г. адвокатуры в России не существовало, а действовали стряпчие (с 1832 г. — присяжный стряпчий, ходатай по частным делам в коммерческих судах), к которым не было доверия со стороны общественности, так как они находились в полной зависимости от судей и практически не имели никаких прав. В дальнейшем присяжные поверенные пореформенного периода решительно будут отречься от всякого смешения с дореформенными ходатаями и

стряпчими, само наименование которых в литературе стало нарицательным и навечно связанным с пороками «старого суда».

Однако и во время реорганизации судебной системы отношение к институту адвокатуры со стороны властей было неоднозначным. Еще Николай I говорил: «Адвокаты погубили Францию. Кто были Мирабо, Марат, Робеспьер и другие? Нет, пока я буду царствовать, России не нужны адвокаты; проживем и без них» [5, с. 5].

Реформаторы 1860-х гг. тоже недоверчиво относились к адвокатуре. М.М. Винавер (российский юрист и политический деятель, член I Государственной думы, один из лидеров Конституционно-демократической партии) ссылаясь на слова составителей судебных уставов: «Если бы законы могли бы быть настолько ясны и просты, чтобы каждый был в состоянии применять оные... то, конечно, не было бы надобности в присяжных поверенных; но такого совершенства законов нельзя найти, почему и учреждение поверенных считается основным началом образования судебной защиты» [5, с. 7].

Нападки со стороны власти на молодую правовую институт продолжались и после введения Судебных уставов. Исследователь М.В. Немытина отмечает, что в период 70-80-х гг. XIX в. последовала серия законодательных актов об изменении уставов 1864 г. Так, К.П. Победоносцевым был сделан доклад 30 октября 1885 г. Александру III по пересмотру судебных уставов 1864 г. Предлагалось «принять решительные меры к обузданию и ограничению адвокатского произвола, поставить поверенных в строгую дисциплину перед

судом» [12, с. 94]. Однако дальнейших действий не последовало.

По мнению современных исследователей, общественностью институт присяжной адвокатуры был встречен радушно. Многим современникам казалось, что введение адвокатуры позволит установить контроль за «темными местами российской жизни» [6, с. 12]. Теперь личность могла противостоять произволу со стороны государства [12, с. 68].

Статус присяжной адвокатуры был прописан в Судебных уставах 20 ноября 1864 г. Они представляли собой самостоятельную организацию или т.н. особое сословие с присущими ему признаками: сословной честью, привилегиями, сословными учреждениями. Чтобы подчеркнуть особый статус новой корпорации, Государственный Совет 22 января 1866 г. учредил для присяжных поверенных серебряный знак с изображением герба судебного ведомства в дубовом венке, который носится при исполнении обязанностей в петлице на левой стороне фрака [8, с. 116].

В исследовании М.Г. Коротких отмечается, что организация адвокатуры в России с соответствующим правовым статусом ее членов не имела аналогов ни в одной из стран Европы и отличалась сравнительной самостоятельностью. Так, во всех государствах Европы, кроме Америки, за советом адвокатов надзирал прокурор. «Присяжные поверенные в судебном заседании были поставлены независимее, чем во Франции, от произвола суда и прокуроров. В судебных заседаниях судьи лишены права немедленно налагать на присяжных дисциплинарные взыскания» [11, с. 201].

В судебных уставах в статье 357 зафиксировано право присяжных поверенных «каждого округа судебной палаты избирать из среды себя для надзора за всеми состоящими в том округе поверенными особый при судебной палате совет, а также председателя совета и товарища председателя...» [18, с. 290]. К 1913 г. в 9 из 14 судебных палат были сформированы советы: Петербургский (2 мая 1866 г.), Московский (16 сентября 1866), Харьковский (6 мая 1874 г.), Новочеркасский (21 июля 1904 г.), Одесский, Казанский, Саратовский (10 ноября 1904 г.), Омский и Иркутский (24 ноября 1904 г.).

Деятельность присяжных поверенных регулировалась «Учреждениями судебных установлений» раздел «О присяжных поверенных» (статьи 353-406). В документе прописывались критерии для принятия в присяжные поверенные. Согласно ст. 354 присяжными поверенными могли быть лица, имевшие аттестаты университетов или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук, или о выдержании экзамена в этих науках. Сверх того, кандидаты должны были прослужить не менее пяти лет по судебному ведомству в таких должностях, при исправлении которых могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел, или, также не менее пяти лет, состоять кандидатами на должности по судебному ведомству, или же заниматься судебной практикою под руководством присяжных поверенных, в качестве их помощников [16, с. 219].

Желающие стать присяжными поверенными, которые соответствовали статье 354 судебных установлений, могли подать о том прошение в совет

присяжных поверенных, где следовало сообщить: в каком именно городе избирает себе будущий адвокат место жительства. Совет, рассмотрев документы и приняв в соображение все сведения, которые признает нужными, постановлял или о принятии просителя в число присяжных поверенных, о чем ему выдавалось надлежащее свидетельство, или же об отказе в принятии [18, с. 304].

С образования 16 сентября 1866 г. Московского совета присяжных поверенных ведет отсчет своей истории московская адвокатура. 2 сентября 1866 г. в Московскую судебную палату было подано прошение 14 первых присяжных поверенных о разрешении избрания совета. И 16 сентября состоялось первое общее собрание присяжной адвокатуры под председательством члена судебной палаты П.Г. Извольского. В результате выборов первым председателем стал М.И. Доброхотов, товарищем председателя – Я.И. Любимцев и членами – К.А. Рихтер, Б.У. Бениславский, А.А. Имберх.

Деятельность совета заключалась в рассмотрении прошений о принятии в присяжные поверенные и в помощники их, дисциплинарных дел о присяжных поверенных и их помощниках, прошений о назначении присяжных поверенных для ведения дел, в сношениях по разным предметам с различными учреждениями, в распоряжениях по просьбам о выдаче удостоверений и других бумаг, по делопроизводству совета, по устройству архива его и библиотеки и по составлению извлечений из постановлений совета за прежние годы [7, с. 89].

Таким образом, Совет сосредоточил в своих руках большую власть,

являясь, кроме всего прочего, поборником морального облика московских адвокатов. Он строго следил за их поступками не только на судебных заседаниях, но и в частной жизни.

В юбилейном сборнике московской адвокатуры отмечалось: «В адвокатских корпорациях всех свободных государств Совет всегда является представителем чести и достоинства сословия. Он блюдет чистоту обычаев, он хранит предания о славных днях корпорации, о лучших его деятелях, он поддерживает тот элемент в обществе, который держит в равновесии весы правосудия, весьма часто подверженные колебаниям человеческих страстей» [13, с. 7].

Совет имел право в случае нарушения подвергать присяжных поверенных за нарушения: предостережениям; выговорам; запрещению отправлять обязанности поверенного в продолжение определенного советом срока, впрочем, не более одного года; исключению из числа присяжных поверенных и преданию уголовному суду в случаях особенно важных [18, с. 295].

Иногда дела о неопозволительном поведении присяжных поверенных разбирал уже не совет, а мировой судья. Так, в камере Московского мирового судьи Дорогомиловского участка разбиралось дело по обвинению московского присяжного поверенного Л.Ф. Лякстувовича в появлении в публичном месте в пьяном виде и в оскорблении словами должностного лица при исполнении им служебных обязанностей. Судья приговорил адвоката к штрафу в 50 руб. или, при несостоятельности, к аресту на 4 суток [14, с. 1880]. Таким образом, совет следил и за непрофессиональной деятельно-

стью своих подопечных, тем самым стремясь не скомпрометировать образ адвоката перед лицом общественности.

На 1866 г. числилось 29 присяжных поверенных Московского округа судебной палаты [7, с. 1]. А уже к 1 октября 1881 г. их численность достигла 303 [7, с. 90].

Видными представителями московской адвокатуры были М.И. Доброхотов, Ф.Н. Плевако, князь Урусов, Н.П. Шубинский, молодое поколение составляли В.А. Маклаков, Н.К. Муравьев и другие. Многие из них прошли еще школу помощников адвокатов, которые являлись т.н. младшим сословием. Старшие товарищи стремились оказывать им помощь и поддержку в виде учреждения конференций, где занятия проводили практикующие адвокаты. Представители московской адвокатуры представляли интересы и тех, кто не в состоянии был за себя постоять. Например, в 1905 г. Н.К. Муравьев выступил защитником 63 долбенкинских крестьян, обвинявшихся в разграблении экономики великого князя Сергея Александровича [2, с. 59].

Помимо своих непосредственных обязанностей московские присяжные поверенные принимали участие в общественной жизни города и страны. В.И. Танеев собирал широкий круг своих друзей – ученых, писателей, мастеров искусств – на ежемесячные обеды в московском ресторане «Эрмитаж». Здесь во время застолий велись живые дискуссии на разные темы, проводился сбор средств на благотворительные цели. Постоянными участниками таких обедов были видные деятели науки, литературы, музыки – профессора К.А. Тимирязев и М.М. Ковалевский,

И.А. Каблуков и Д.М. Петрушевский, П.Н. Лебедев и А.И. Чупров, В.В. Марковников и В.Ф. Лугинин, артисты А.И. Южин и Б.Б. Корсов. Часто бывали здесь М.Е. Салтыков-Щедрин, П.И. Чайковский и брат адвоката С.И. Танеева – И.С. Тургенев [17, с. 94]. Московские присяжные поверенные стремились помогать материально студентам юридического факультета. На заседании Московского совета в 1891 г. в честь двадцатипятилетней деятельности было решено «ознаменовать этот свой юбилей учреждением стипендии имени первого присяжного поверенного М.И. Доброхотова, и на этот предмет им тут же было собрано 4 100 руб.» [9, с. 365].

Молодые московские адвокаты в начале XX в. охотно устраивали консультации для неимущего населения, занимались просветительской деятельностью, а позднее участвовали и в политической жизни страны. Московские присяжные поверенные поддерживали идею принятия Конституции, о которой заговорили особенно в ноябре 1904 г., когда праздновался очередной юбилей Судебной реформы 1864 г.

Московская адвокатура приняла активное участие в подготовке юбилея Судебной реформы в 1914 г., а значит, и своего собственного. Решением Московского совета и присоединившихся к нему других стало издание фундаментального труда «История русской адвокатуры».

Таким образом, созданный институт присяжных поверенных должен был стать олицетворением законности и справедливости. Также он представлял собой особое сословие, где членство возможно, если соответствовать букве закона. За этим строго следили

советы как представительный орган корпорации, в том числе и Московский. Не сразу удавалось завоевать авторитет среди государственных чиновников. Но, участвуя в громких процессах, защищая обездоленных и принимая участие в общественной жизни, им удалось изменить отношение к своему сословию.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белковец Л.П., Белковец В.В. Судебная реформа 1864 г. в России. – Новосибирск, 1999. – 96 с.
2. Варфоломеев Ю.В. Николай Константинович Муравьев // Вопросы истории. – 2006. – № 11. – С. 54-72
3. Великие реформы в России 1856-1874. – М., 1992. – 334 с.
4. Винавер М. Адвокатура и правовое государство. – СПб., 1905. – 33 с.
5. Винавер М.М. Очерки об адвокатуре. – СПб., 1902. – 218 с.
6. Глушаченко С.Б., Тотоев Р.Р. Адвокатура в Российской империи в аспекте судебного реформирования 1964 г. // История государства и права. 2008. № 13. – С. 12-14
7. Двадцатилетие московских присяжных поверенных. Сборник материалов относящихся до сословия присяжных поверенных округа Московской судебной палаты с 23 апреля 1866 г. по 23 апреля 1891 г. – М., 1891. – 205 с.
8. История русской адвокатуры. Адвокатура, общество и государство (1864 - 1914). – Т. 1. – М., 1914. – 628 с.
9. Козлинина Е.И. За полвека 1862-1912 гг. Воспоминания, очерки, характеристики. – М., 1913. – 561 с.
10. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. – М., 1914. – 336 с.
11. Коротких М.Г. Судебная реформа 1864 г. в России. – Воронеж, 1994. – 185 с.
12. Немытина М.В. Суд в России во второй половине XIX- начало XX вв. – Саратов, 1999. – 343 с.
13. Правила адвокатской профессии в России. – М., 1913. – 440 с.
14. Право. – 1901. – № 43. – 33 с.
15. Смирнов В.Н. Адвокатура и власть: история взаимоотношений. – Екатеринбург, 2004. – 216 с.
16. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. – Ч. 3. – СПб., 1867. – 757 с.
17. Троицкий Н.А. Благотворительные акции русской присяжной адвокатуры // Благотворительность и милосердие. Сборник научных трудов. – Саратов, 1997. – С. 92-97.
18. Учреждение судебных установлений. – СПб., 1913. – 496 с.

УДК 94(470+571)

Чемакин А. А.*Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)***«МЫ ОСМЕЛИЛИСЬ ВЫСТУПИТЬ С НОВЫМИ ЛОЗУНГАМИ...»:
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГРУППА НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТОВ
И СБОРНИК «ЛАДО»**

Аннотация. Статья посвящена истории петербургской группы национал-демократов и сборника «Ладос». В основе исследования лежит анализ документов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга и Российского государственного архива литературы и искусства, а также материалов прессы 1910-х гг. Опираясь на эти источники, автор пришел к заключению, что петербургские национал-демократы были тесно связаны со славянским движением, а сборник «Ладос» был не только национал-демократическим, но и неославистским.

Ключевые слова: политическая история России, русский национализм, национал-демократия, неославизм, Д.Н. Вергун, «Ладос».

A. Chemakin*Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg***«WE DARED TO COME OUT WITH NEW SLOGANS ... »:
PETERSBURG GROUP OF NATIONAL DEMOCRATS
AND THE LADO COLLECTION**

Abstract. The article is devoted to the history of Petersburg group of National Democrats and the "Lado" collection. This study is based on the analysis of the documents of the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Historical Archive, the Central State Historical Archive of St. Petersburg and the Russian State Archive of Literature and Art. Furthermore, the author uses materials from the newspapers of the 1910s. The author comes to the conclusion that National Democrats of Petersburg were closely connected with the Slavic movement, and the "Lado" collection was not only national democratic but also neo-Slavic.

Key words: political history of Russia, Russian nationalism, National Democracy, Neo-Slavism, D.N. Vergun, « Lado».

В последнее десятилетие в нашем обществе появился интерес как к идеологии национализма, так и к истории общественно-политической мысли дореволюционной России. Все чаще в исторической литературе и публи-

цистике можно увидеть упоминания национал-демократического сборника «Ладос» [15; 17], однако в большинстве случаев исследователи совершают ошибку, приписывая его составление М.Я. Баясному и Всероссийскому национальному союзу [9; 16]. Другой ин-

тересный эпизод, связанный с данным сборником – деятельность национал-демократического кружка в Санкт-Петербурге в начале 1910-х гг. – на сегодняшний день вообще не получил отражения в научной литературе.

На самом деле, петербургская группа национал-демократов и сборник «Ладо» были связаны с именем Дмитрия Николаевича Вергуна (1871 – 1951), сотрудника «Нового времени», поэта, одного из ключевых деятелей славянского движения тех лет и, по весьма обоснованному предположению А.И. Миллера, агента русской разведки [12, с. 175]. Вергун, родившийся в Австро-Венгрии, недалеко от Львова, до переезда в Санкт-Петербург был членом Русской народной партии в Галиции. В России он примкнул к мирнообновленцам/прогрессистам, но из-за несогласия с ними по вопросу о выделении Холмской губернии сблизился с националистами [20], активно участвовал в деятельности Всероссийского национального клуба. На взгляды Вергуна большое влияние оказало знакомство с В. Клофачем, лидером Чешской национально-социальной партии. Вот одна из характеристик этой партии: «Ее ядро составляют мелкие чиновники, ремесленники, рабочая администрация и мелкие буржуа. Самый состав партии указывает на то, что в ней нет ничего социалистического. По ее природе она должна быть крылом национальной демократии. Социализм в ней ни что иное, как модный ярлык, противоречащий ее сущности» [5, с. 37]. В. Клофач писал Вергуну о необходимости славянского социализма, направленного против марксизма, о необходимости славянской агитации

в массах в противовес социал-демократической¹. По всей видимости, именно под влиянием Клофача Вергун решил заняться развитием нового идейного направления, которое он называл национал-демократическим. Название «национал-демократия» было выбрано, вероятно, по той причине, что слово «социализм» в России ассоциировалось исключительно с революцией и революционными партиями (социалистами-революционерами, социал-демократами). К тому же, термин «национал-демократия» уже получил некоторую известность в русском обществе благодаря статьям профессора Т.В. Локотя², а партии с аналогичными названиями были у поляков и галицийских украинцев.

К началу 1911 г. Вергун вместе с другом и соратником по славянскому движению, полковником М.Я.Балясным (который был беспартийным и прямого отношения к партии националистов не имел), собрали вокруг себя группу студентов и привлекли их к деятельности Общества славянской взаимности (ОСВ). Начальник петербургского Охранного отделения отмечал, что «Общество славянской взаимности возникло <...> по инициативе нескольких видных общественных деятелей на почве неославянского течения в умеренно либеральных кругах общества, в силу которого каждая славянская народность имеет право на

¹ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 909. Оп. 1. Д. 156. Л. 16, 21 – 21об.

² Т.В. Локоть (1869 – 1942), профессор, общественный деятель, депутат I Государственной думы, редактор газеты «Киев», лидер киевского кружка национал-демократов. Биографию Т.В. Локотя смотрите в статье А.А. Иванова [6].

самостоятельное развитие, но все славянство должно быть едино во главе с Россией»¹. В руководство общества входили октябристы А.А. Столыпин и Н.А. Хомяков, националисты гр. В.А. Бобринский, А.С. Гижицкий, Д.Н. Чихачев, прогрессисты И.Н. Ефремов и Н.Н. Львов, кадеты В.А. Маклаков и А.И. Шингарев². Таким образом, ОСВ было местом, в котором представители умеренных партий – националисты и либералы разных оттенков – могли встречаться и работать над совместными проектами. Вполне естественно, что Вергун предпринял попытку создания национал-демократического кружка на базе этого общества. Некоторые из привлеченных им студентов в прошлом состояли во Всероссийском национальном студенческом союзе (ВНСС). А.Ф. Вознесенский, один из лидеров данной группы студентов, писал о ВНСС: «Этот союз, пожалуй, значительно правее думских националистов. В нем немало студентов, членов союза Русского народа, Михаила Архангела и т.п. организаций. Академисты в нем пользуются большим почетом, и правление состоит из них. В начале его деятельности среди членов были демократически настроенные студенты, но, видя, что демократический дух как нельзя более чужд этому союзу, они вышли из него, образовав Русскую студенческую группу при Обществе Славянской Взаимности. Нам кажется, что появление организаций подобных Союзу только затрудняет развитие в обществе националисти-

ческих идей, так как общество плохо верит, что национализм может быть и без шовинизма, которым проникнут и Студенческий Национальный Союз»³. Впрочем, Вознесенский делал скептические замечания и по адресу самой партии националистов: «Националисты уже могли и не раз проявить свою деятельность и, оценивая их, необходимо принимать в расчет не только их обещанья, но и поступки. Что же сделали националисты, на что была направлена их энергия? К сожалению, далеко не на то, что народу в настоящее время больше всего нужно. Свобода совести, слова, печати, собраний, ответственность администрации перед судом, подоходный налог, демократизация земских и городских самоуправлений, неприкосновенность личности, отмена паспортов <...> националистов, по-видимому, не особенно интересуют»⁴.

В итоге 30 марта 1911 г. на заседании Совета Общества славянской взаимности было «доложено заявление 17 студентов о принятии их в члены-сотрудники»⁵. В отчете Общества за 1911-12 гг. сообщалось, что «в отчетном году группа русских студентов, сочувствующих славянскому движению, выразила желание вступить в члены Общества и образовать свой студенческий отдел. Совет Общества, придавая большое значение участию учащейся молодежи в славянском движении, охотно пошел навстречу желанию студентов и образовал в составе Общества особую студенческую группу, на правах отдела Общества, в которую могут вступать русские сту-

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 102. Особый отдел. 1913. Д. 104. Л. 22об.

² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее ЦГИА СПб). Ф. 1947. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 – 4об.

³ ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 94. Л. 10.

⁴ ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 94. Л. 10.

⁵ ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 558. Л. 5.

денты, состоящие действительными членами или членами-сотрудниками Общества. Группа эта собирается в помещении Общества, в Клубе Общественных Деятелей, и весьма оживленно работает. В состав ее входят 20 лиц. Занятия сводятся к чтению и обсуждению докладов на славянские темы»¹. Студенты национал-демократы, впрочем, как и ОСВ, были лишь гостями в Клубе общественных деятелей, тогда как основными хозяевами помещения были октябристы: именно здесь в 1906 – 1913 гг. заседали ЦК, думская фракция и городской совет партии октябристов, а также Группа центра Государственного совета [8]. Сам Клуб Общественных деятелей располагался по адресу Симеоновская улица, дом 1² (ныне этот дом имеет 2 адреса: ул. Белинского 1, наб. Фонтанки 32). Также «студенты разных высших учебных заведений для выработки текста программы» собирались и на квартире Д.Н. Вергуна³ по адресу Спасская улица, дом 6, квартира 22 (ныне это дом по адресу: ул. Рылеева 6, ул. Маяковского 41) [4, с. 141].

Московский студент, секретарь Общества «Славия» Ф.Ф. Аристов (в будущем – известный историк, этнограф, востоковед, славист, основатель отечественного карпатоведения) в письме к Вергуну от 15 марта 1911 г. интересовался новой организацией: «...обращаюсь к Вам, дорогой Дмитрий Николаевич, с просьбой: сообщите, пожалуйста, что такое представляет из себя учреждаемая Вами партия “Национал-Демократов”? Чем она отличается от аналогичных

организаций у поляков и украинофилов, а также от “Всерос[сийского] Нац[ионального] Союза”»⁴. В письме от 21 марта он задавал еще ряд вопросов: «Писали мне из Петрограда Ю.Д. Тудорский и А.А. Вознесенский о собраниях по поводу учреждения “Нац[ионал]-Демокр[атической] Партии”. Могу ли Вас просить, дорогой Дмитрий Николаевич, прислать программу партии и ее идеологию. Проф. Локоть тоже пишет о необходимости нац.-демокр. организации. Что, совпадает она с Вашей или разнится от нее? Будет ли нац.-демокр. партия иметь свой печатный орган и какой именно?»⁵. Видимо, ответы его удовлетворили, и Аристов решил организовать лекцию Вергуна в Москве. В письме от 2 января 1912 г. он упрекал последнего в том, что тот не торопится с приездом: «Вот уже год, как Вы обещали приехать в Москву и все не собрались! Лекцию о н[ационал]-д[емократии] лучше (в идейном отношении) устроить бы в Москве или, по крайней мере, здесь повторить. Петроград пока еще Санктпетербург (так в тексте — А. Ч.) и его слово для России ничто. Это хорошо поняли и кад[еты] и окт[ябристы] и в Москве основали свои партии. А нац[ионал]-дем[ократы] неужели будут действовать с конца? Пишите точно, когда будете в Москве и можно будет приготовить зал и познакомить публику (гл. обр. студенчество) с темой Вашей лекции»⁶. Интересно также отметить, что когда в марте 1911 г. Аристов был задержан полицией по так называемому делу «национальных со-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1947. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

² ЦГИА СПб. Ф. 1947. Оп. 1. Д. 1. Л. 82.

³ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 325. Л. 13об.

⁴ РГИА. Ф. 909. Оп. 1. Д. 27. Л. 9об – 10.

⁵ РГИА. Ф. 909. Оп. 1. Д. 27. Л. 12об – 13.

⁶ РГИА. Ф. 909. Оп. 1. Д. 27. Л. 18об.

циалистов», он на допросе упоминал и петербургский кружок: «...должен сказать несколько слов относительно переписки с студентом Александром Федоровичем Вознесенским, живущим в Петербурге. Там группа студенческой молодежи решила основать по почину сотрудника «Нового Времени» Дмитрия Николаевича Вергуна вполне легальную партию «Национал-Демократов»<...>»¹.

Как справедливо отмечал агент Охранного отделения под псевдонимом «Техник», «отличительной особенностью петербургских национал-демократов <...> было желание связать внутреннюю русскую политику с славянским вопросом»². Тот же агент сообщал, что группе Вергуна «программы, однако, выработать не удалось, так как наступили весенние экзамены и летние каникулы и студенты стали разъезжаться»³. О дальнейшей деятельности студенческого национал-демократического кружка в Петербурге ничего не известно. По всей видимости, он распался в течение 1911 г. Сам же Вергун решил идти по другому пути и, прежде чем приступить к созданию организации, сообщить публике о появлении нового направления путем выхода в свет сборника «Ладо», «посвященного нарождающейся русской национал-демократии» [11].

Над сборником он начал работать в конце весны – начале лета 1911 г. Сохранилось письмо депутата-националиста Д.Н. Чихачева Вергуну от 4 июня: «Согласно выраженному Вами желанию посылаю Вам <...> статью для Вашего сборника. В случае если

статья Вам подойдет, прошу напечатать ее без сокращений, а корректуру мне прислать <...>»⁴. Вышла в свет книга в первой половине октября. За октябрь 1911 г. было отдано на реализацию в магазины и отдельным авторам сборника, а также подарено 439 экземпляров, в ноябре – 147. Книга продавалась в магазинах «Нового времени» и М.О. Вольфа, в обществе «Русское зерно» и во Всероссийском национальном клубе. Среди тех, кто получил подарочные экземпляры, можно отметить А.А. Столыпина, М.О. Меньшикова, В.В. Розанова, Т.В. Локотя, Ф.Ф. Аристову, Л.М. Солоневича⁵.

В сборнике были представлены статьи О.П. Дмитриевой о деятельности общества «Русское зерно» и Ломоносовский юбилей, В. Онежского про «идейные итоги смуты» и «великодержавность», Д.Н. Вергуна про австро-славизм и руссо-славизм, М.Я. Балясного про русский национализм, Э.А. Старка про русский театр, В.А.Бобринского про положение русских в Галичине и Буковине, Д.Н. Чихачева про политику в Холмской губернии, И.В. Никанорова про возрождение русской национальной церкви, Д. Семиза про балканскую политику, А.А. Воронова про сокольское движение, Б.В. Астромова про Боснию, а также стихотворения В.М. Бехтерева, А.О. Тальма, И. Пересветова, С.Д. Зенченко, В. Онежского, А.Р. Младеновича, А.А. Воронова, М.Я. Балясного, Д.Н. Вергуна, сказание Н.И. Есиповой, рассказы С. Чеха в переводе В.П. Глебовой.

Сам Вергун обошел стороной во-

¹ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 31. Д. 767. Л. 160б.

² ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 325. Л. 130б.

³ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 325. Л. 130б.

⁴ РГИА. Ф. 909. Оп. 1. Д. 322. Л. 2.

⁵ ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 290. Л. 650б – 660б.

просы внутренней политики и обратился к внешней, опубликовав статью про австро-славизм и руссо-славизм, а также стихотворение «Славянский орел», в котором дается объяснение размещенному на обложке сборника символу – трехглавому орлу: «За средней главой / Славянской стязей / На свет устремился ты к югу, / Чтоб силы набрать себе огневой – / Дать волю и брату, и другу... / Восточной главой / Монгольской тропой / Тянулся давно к океану, / Чтоб мощь закалить в грозе боевой, / Дать мысли Христовой охрану... / А третьей главой / Варяжской волной / Ты Запада черпал познание, / Чтоб миру явить счастливейший строй, / Уладить людей достояние...» [11, с. 1 – 2].

Перспективы создания новой политической программы или даже партии обсуждались всего лишь в двух статьях сборника. Владимир Онежский (псевдоним), рассуждая о взаимоотношениях чиновников и интеллигенции, видел в сборнике «Вехи» «первое зародышевое движение еще не кристаллизованной партии – неонационалистов, государственных либералов, национал-народников, национал-прогрессистов, или, лучше всего, *национал-демократов*» [11, с. 15]. Широкий общественный резонанс вызвала другая статья, написанная М.Я. Балясным. Он сообщил читателям, что «в последнее время зародились национал-демократические кружки среди национальной интеллигенции в Киеве, Москве и Петербурге», и что московской группой «выработан проект платформы, долженствующий заместить давно ощущаемый пробел» [11, с. 174 – 175]. Программа эта была весьма либеральной и в чем-то даже

радикальной по своему содержанию, что заставило Балясного оговориться, что документ этот «отражает на себе спешность выработки, страдая неумением разграничить минимальные требования от максимальных и недостатком распределения задач по времени», а потому едва ли способен «удовлетворить те круги национально мыслящего русского общества, которые ощущают потребность ясной формулировки требований национальной партии и развития национальных начал в сторону разумного демократизма» [11, с. 179]. Советский историк А.Я. Аврех отметил, что проект программы, опубликованный в статье Балясного, «предлагал объединить старые националистические лозунги с требованиями, которым могли позавидовать кадеты» [1, с. 412].

Представители кадетов и черносотенцев посчитали, что за сборником стоит Всероссийский национальный союз, и в особенности В.А. Бобринский, но восприняли это по-разному. Лидер кадетов П.Н. Милюков во всеуслышание заявил, что лидерами ВНС были «экспроприированы отрывки кадетской программы в программу “национал-демократов” сборника “Ладо”, для специальной цели “привлечения простонародья”» [13]. На страницах черносотенного «Русского знамени» предрекали очередную эволюцию националистов влево и шутили: «...националисты стали конституционалистами, националисты стали демократами – следовательно националисты стали конституционалистами-демократами» [14]. А.Ф. Вознесенский при этом отметил, «что сборник кажется опасным для кадетов, но он безусловно безопасен и для националистов. Националисты

тоже не примут предложенную в нем программу, хотя газеты национального лагеря сборник похваливают»¹. Другие газеты, как, например, польская «Dziennik Poznański», решили, что в России создается новая – национально-демократическая – партия [19]. Газета «Варшавский вестник» видела в сборнике шаги к налаживанию сотрудничества между несколькими партиями, отмечая, «что под <...> знаменем русского национал-демократизма выступили представители трех наших центральных “умеренных” партий: националистов (гр. Бобринский В.А.), октябристов (И.В. Никаноров) и прогрессистов-мирнообновленцев (Д.Н. Вергун)» [7].

В общем, журналисты и политики разных направлений увидели в сборнике то, что они хотели увидеть. Пестрота состава сотрудников сборника – от крайне правых (И. Пересветов, А.О. Тальма) до левых (В.М. Бехтерев) – также вызывала много вопросов. Кроме того, многие свои мысли авторы сборника выражали не напрямую, а иносказательно, через стихи и рассказы. Автор рецензии в «Историческом вестнике» справедливо замечал: «Жаль, что сборнику не предпослано обобщающего введения, которое облегчило бы читателю образование цельности впечатления от книги» [2, с. 855]. В этой сумбурности и неопределенности можно увидеть то ли редакторскую недоработку, то ли, наоборот, сознательную попытку представить весьма радикальную национал-демократическую программу «московской группы» обществу, и при этом не брать на себя полную ответственность за нее и не порывать со своим кругом

общения (это было важно для Вергуна, вращавшегося преимущественно в националистических кругах, но исповедовавшего при этом намного более левые взгляды).

Некоторую помощь в разрешении этого вопроса дает письмо, написанное Вергуном В.Л. Бурцеву восемь лет спустя: «В 1911 г. я в качестве редактора “Писем русских крестьян”, издаваемых о-вом Русское Зерно, издал сборник “Ладо”, посвященный нарождающейся р[усской] национал-демократии и этим определяется моя политическая ориентация»². Вероятно, помощь (в том числе и финансовую) в создании сборника оказало как раз «Русское зерно», председателем которого был соратник Вергуна по славянскому движению А.А. Столыпин. Это общество занималось отправкой крестьян в славянские земли (преимущественно в Чехию) для обучения передовым технологиям ведения сельского хозяйства. Примечательно, что «Русское зерно» также располагалось в Клубе общественных деятелей.

Изучив биографии авторов сборника, можно предположить, что он задумывался не как политический, а как «литературно-общественный» (что и обозначено в названии), и должен был объединить произведения представителей трех общественных организаций – «Русского зерна», Общества славянской взаимности, Галицко-русского благотворительного общества. Практически все авторы состояли в каком-либо из этих обществ, а некоторые (например, Вергун и Бобринский) – во всех. Вергун, пользуясь правами редактора и составителя, имел возможность подобрать для сборника именно

¹ ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 94. Л. 11.

² ГАРФ. Ф. Р-5802. Оп. 1. Д. 166. Л. 2.

те статьи и литературные произведения, которые соответствовали его пониманию национал-демократической идеи. Кроме того, он упомянул национал-демократию в заглавии, а на груди трехглавого орла расположил символ чешских национальных социалистов – скрещенные молот и перо [18, s. 92].

Профессор Н.О. Куплеваский справедливо заметил: «Сказать, что это сборник определенно национально-демократический, едва ли возможно, так как ни в одной из помещенных в нем статей не указывается, что собственно усваивается участниками сборника из национально-демократических программ. <...> За отсутствием таких указаний, помещенную на обложке надпись можно рассматривать только как общий, довольно неопределенный, поклон в сторону русской национальной демократии» [10, с. 639]. Скорее всего, изначально сборник планировался как представление различных аспектов идеологии неославизма, что впоследствии косвенно подтверждал и сам Вергун¹. Поэтому, на наш взгляд, было бы ошибочным называть национал-демократами всех участников сборника «Лад», за исключением Вергуна и Балясного. Но в итоге получилось так, что бурное обсуждение вызвали как раз те материалы, которые были посвящены национал-демократии.

За 1911-12 гг. все экземпляры первого издания разошлись, и было решено выпустить второе издание. По содержанию оно не отличалось от первого, но, учтя замечания, составитель подготовил специальное предисловие, подклеенное на отдельном листе в начале книги и объяснявшее

¹ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2474. Оп. 1. Д. 51. Л. 1.

именно те аспекты, которые вызвали общественный резонанс. Вергун писал: «Нас не заклевали, не замолчали, не засмеяли... <...> На нас накинута и справа, и слева. Справа усмотрели в нас стремление “подрумянить полинялых кадюков” (“Русск. Знамя”), слева обвинили нас в желании “подкрасить облезлого мавра” (“Соврем. Слово”). Но и критики средних политических направлений не отнеслись к нам благосклонно, несмотря на близость некоторых сотрудников “Лад”, впрочем случайных, к этим течениям. Многим националистам не оказался по сердцу слишком подчеркиваемый наш демократизм в вопросах внутренней политики, октябристов же задевал наш осмысленный национализм. Больше всего, однако, встревожились конституционные демократы. Они сразу почуяли, что зарождение национал-демократической мысли может произвести брешь не только в их мятущихся рядах, но и в рядах национально настроенных левых вообще, особенно же среди ищущих выхода из нынешнего тупика прогрессистов» [3]. Вергун объяснил и свои мотивы для выпуска сборника: «Мы просто ищем выхода для тех русских людей, которых не удовлетворяет ни одна из существующих в настоящее время в России политических партий. Все партии, зародившиеся после 17 октября 1905 г. доказали за семь лет развития свою односторонность в ту или другую сторону. Ни в одной из них не было полноты, соответствующей русско-славянскому творческому духу. В думских сражениях все партии обтрепались до обнажения их нездоровых основ. <...> Сознывая это, мы осмелились выступить с новыми лозунгами,

без всяких предвзятых мыслей, без нарочитых намерений» [3].

Впрочем, каких-либо серьезных шагов по созданию организации предпринято не было. Нам кажется, что причиной было и то, что Вергун оставался австрийским подданным [4, с. 141], и то, что работа в «Новом времени» вряд ли была совместима с открытым участием в создании партии хоть и умеренной, но всё же оппозиционной. Сам Вергун объяснял это иначе: «К партийной организации мы не приступали. Наше время еще не подоспело. Еще не слишком разложились организмы старых партий в свежее-“повапленных” гробах их партийных организаций. Процесс разложения завершится в новый созыв народного представительства и докажет воочию необходимость организации благомыслящих русских образованных людей на национально-демократических началах» [3]. Но следующие выборы в Думу пятого созыва, которые должны были пройти в 1917 г., не состоялись по всем известным причинам, а планы Вергуна по созданию национал-демократической партии так и не перешли из теории в практическую плоскость.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аврех А.Я. Столыпин и Третья Дума. - М.: «Наука», 1968. - 520 с.
2. Гр—ский В. Ладос // Исторический вестник. - Т. 130. - 1912. - № 11. - С. 854-855.
3. Д.В. [Вергун Д.Н.] Предисловие ко 2-му изданию // Ладос. Сборник литературно-общественный, посвященный нарождающейся русской национал-демократии. 2-ое изд. - СПб., 1913.
4. Дубин А.С. Улица Маяковского. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. - 302 с.
5. Ефимовский Е.А. Чехо-Словакия. Политическая характеристика. - Прага, 1919. - 40 с.
6. Иванов А. А. Профессор Т. В. Локоть: путь русского националиста // Имперское возрождение. - 2008. - № 3 (17). - С. 75-80.
7. К-ий Ил. Старина в новизне // Варшавский дневник. - 1911. - 9 ноября. - № 311. - С. 1-2.
8. Клуб общественных деятелей // Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград. Энциклопедический справочник. - М.: Большая Российская Энциклопедия, 1992. - С. 269.
9. Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. - 525 с.
10. Куплеваский Н.О. Сборник «Ладос» // Окраины России. 1911. 19 ноября. № 47. С. 639-641.
11. Ладос. Сборник литературно-общественный, посвященный нарождающейся русской национал-демократии. - СПб., 1911. - 240 с.
12. Миллер А. И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. - М.: Новое литературное обозрение, 2008. - 240 с.
13. Милюков П.Н. «Новый курс» // Голос (Ярославль). - 1911. - 28 ноября. - № 268. - С. 2.
14. Прилучанин. Октяброс-национальный союз (К сведению провинциальных националистов) // Русское знамя. - 1911. - 19 ноября. - № 260. - С. 1.
15. Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. - М.: Изд-во Academia, 2007. - 519 с.
16. Санькова С.М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908-1917). - Орёл: «Издатель С.В. Зенина», 2006. - 369 с.
17. Храмов А.В. Может ли националист быть либералом? // Вопросы национализма. - 2013. - № 13. - С. 222-230.

18. Nečas, C. Balkón a česká politika: pronikání rakousko-uherského imperialismu na Balkón a česká buržoazní politika. – Brno: Univ. J. E. Purkyně, 1972. – 160 s.
19. Nowe stronnictwo rosyjskie // Dziennik Poznański. – 1911. – 16 grudnia. – № 286. – S. 1–2.
20. Vergun D. N. Odpověď prof. Maxovi // Národní listy. – 1919. – 6 července. – № 158. – S. 7.

94(470) 1954-1955

Горлов В.Н.*Московский государственный областной университет*

ИЗМЕНЕНИЯ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ ПРИ РЕШЕНИИ ЖИЛИЩНОЙ ПРОБЛЕМЫ В 1950-1960-Е ГОДЫ

Аннотация. В статье дана оценка важнейшим улучшениям, которые внесла отдельная квартира в жизнь советского человека, изменив образ жизни коренным образом. В 1950-1960-е гг. все больше внимания привлекали жилищные проблемы, все больше учитывались меняющиеся во времени запросы населения. Жизненные потребности граждан способствовали более глубокому изучению демографического состава советской семьи. В статье исследуется семья как потребитель жилища, которая определяла степень благоустройства отдельных квартир.

Ключевые слова: благоустройство квартир, потребности семьи, жилищные проблемы.

V. Gorlov*Moscow State Regional University*

CHANGES OF SOVIET PEOPLE'S LIFE FUNDAMENTALS WHILE SOLVING THE HOUSING PROBLEM IN THE 1950-1960

Abstract. The article estimates one of the most important improvements in the life of Soviet people: life in a separate apartment, which radically changed their way of life. In 1950-1960s the housing problem was given an increasing attention; people's needs were more and more taken into account due to the time-varying demands. The vital needs of the citizens contributed to a deeper study of the demographic composition of a Soviet family. The article examines a family as a consumer of dwelling, which determined the degree of conveniences in separate apartments.

Key words: conveniences in apartments, family needs, housing problems.

Несколько поколений советских людей воспитывали в «коммунном» духе, что не позволяло ставить личные интересы выше общественных. Они шли на лишения и не требовали особых жизненных удобств во имя коммунистических идеалов. Всё это сказывалось на степени социальной ориентации экономической политики, на отношении к производству предметов широкого потребления. Аскетизм первых послевоенных лет всё более

становился неприемлемым в новых исторических условиях, когда поворот экономики в сторону социальных проблем общества стал объективно необходимым.

В послевоенные годы уровень жизни постепенно поднимался, после смерти И.В. Сталина впервые заговорили о трудностях быта, о необходимости избавиться от недостатка товаров, жилья и т.д. XX съезд партии уделил внимание улучшению быта советских людей: «Съезд считает необхо-

димым решительное усиление внимания к повседневным бытовым нуждам населения...» [15, с. 17-18]. Было освоено производство новых видов мебели, предметов домашнего обихода, домашних холодильников.

При Н.С. Хрущёве произошел качественный скачок – от коммуналок к отдельным квартирам. В это время уровень развития экономики позволил перейти к значительному расширению сферы потребления. Бытовой газ и другие удобства составляли уже повседневный быт советских граждан. В печати после XX съезда появились призывы: «Вопросы быта трудящихся – в центр внимания всех организаций». Советское общество помимо соревнования в области вооружений стремилось вступить в соревнование с Западом и в области потребления, в бытовом укладе.

В отдельной квартире началось улучшение домашним уютом, обустройством своего уголка. Уровень потребностей качественно вырос. Переезд из скромных коммунальных комнат в отдельные квартиры вызвал у советских граждан потребительское оживление. Многие стремились компенсировать ограничения в прошлом.

При Н.С. Хрущёве железный занавес приоткрылся. В Москве стали проходить международные музыкальные фестивали и кинофестивали, научные конгрессы и т.д. Огромное впечатление на москвичей произвела американская выставка в Сокольниках в 1959 г., где главное внимание было уделено показу предметов потребления, которые все больше овладевали помыслами и советских людей.

Возрастающие бытовые потребности опережали уровень оказания

советским гражданам бытовых услуг в 1950-е гг. У советских граждан был огромный спрос на телевизоры, мебель, радиоприемники, стиральные машины, холодильники [13]. Поэтому ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли решение о расширении производства товаров хозяйственного и культурно-бытового обихода. ЦК КПСС и СМ СССР в марте 1959 г. издали постановление «О мерах по улучшению бытового обслуживания населения», которое наметило резкое улучшение бытового обслуживания граждан [13].

По расчетам главы экономической науки академика С.Г. Струмилина, за 10-12 лет планировалось обеспечить обилие всех предметов, ликвидировать остатки неравенства в сфере потребления [17, с. 25]. XXII съезд КПСС постановил, что «каждой семье будет обеспечен достаток, а затем и обилие материальных и культурных благ» [10, с. 176]. В 1950 - 1960-е г. разрыв в уровне экономического и социального развития СССР и США стремительно сокращался. По прогнозам экономистов, через 20 лет СССР должен был выйти на первое место в мире не только по объему производства, но и по уровню жизни. В сознании советских людей кажущаяся легкость достижения коммунистических целей породила мощные потребительские импульсы. Строительство в 1950-1960-е гг. миллионов отдельных квартир повлекло развитие производства огромного количества потребительских товаров, начиная от мебели и кончая шторами и выключателями. В представлении советских людей, получивших отдельную квартиру, произошло заметное изменение ценностного пространства счастья.

Жилищное строительство привело к возникновению сотен форм удовлетворения потребностей. Произошла самая настоящая революция в потреблении. Среднедушевое потребление товаров возросло во много раз, достигнув уровня, сопоставимого со стандартами среднеразвитых стран мира. В начале 1960-х гг. советское общество перешло к новому уровню потребностей, к новому образу жизни. В хрущевские годы в советской стране сравнительно со сталинскими годами произошел огромный прогресс. В СССР с ростом экономики рос и материальный уровень граждан. Увеличивались денежные сбережения советских людей. Наблюдались значительные перемены в материальных условиях жизни. Удовлетворялись массовые желания и потребности, которые ранее могли себе позволить лишь немногие. Скачок в качестве жизни стал результатом развития жилищного строительства в 1950-1960-е гг. Жильё становилось социальным благом, назначение которого – удовлетворять личные потребности советских граждан.

В 1950-1960-е гг. повышался минимум заработной платы, который устанавливало государство. С середины 1950-х до середины 1980-х г. минимальный размер заработной платы повысился в три раза при росте индекса цен, исчисляемого Госкомцен СССР, в 1,3 раза [1, с. 40].

Квартиры советских граждан обладал стандартным набором современных удобств (центральное отопление, газовая плита, канализация, холодная и горячая вода), которые были почти совершенно неизвестны поколению их родителей. Само наличие отдельной

квартиры многими воспринималось как высокое благо. Переход от бараков, общежитий, коммуналок к хрущевским пятиэтажкам открыл новую эру – индивидуализации городского быта. Советским людям при Н.С. Хрущёве приподняли значимость их личной жизни и индивидуальных интересов. Жизнь их стала более независимой.

Государство обеспечивало советских граждан равными жилищными условиями. Они получали бесплатное жильё по соответствующим нормативам и в соответствии с очередностью. После сталинского правления люди захотели жить лучше и требовали не только удовлетворения элементарных потребностей. Государство предприняло значительные меры по развитию производства предметов потребления в промышленности. Был налажен массовый выпуск все более совершенных предметов длительного пользования, резко расширилась продажа радио- и электротоваров, посуды, мебели. Для этого формировались соответствующие индустриальные отрасли по производству предметов широкого потребления, что стимулировало привлечение к этому предприятий тяжелой и оборонной промышленности.

Отдельные квартиры способствовали тому, что миллионы советских людей стали устраивать свою частную жизнь. В начале 1960-х гг. произошел всплеск благоустройства, которого не было в предыдущие десятилетия. Власть этому не мешала, но старалась осуждать, рассматривая стремление людей к повышению благосостояния людей с отрицательных позиций как проявление индивидуализма, обывательщины, мещанской, мелкобуржуазной морали и культуры [8, с. 14].

В 1960-е гг. началась кампания борьбы с мешанством. Боролись с кушетками и креслами, с розовыми абажурами и слониками, занавесками с оборками и другими атрибутами домашнего «хлама». Власть считало мешанство врагом, потому что оно било по самому главному – идее равенства. Акценты сосредоточились на призывах к разумности и соразмерности индивидуальных потребностей, использовались фельетоны, стихи, фильмы, карикатуры.

Потребительские настроения многих москвичей подтвердил первый заместитель министра торговли РСФСР Д.Д. Королёв в своем интервью газете «Комсомольская правда» 8 октября 1960 г.: «Товарищи пишут о том, что трудно ещё купить телевизор, холодильник, хорошую мебель, пианино. Недостаток? Безусловно. Но этот недостаток (он, конечно, временный) служит в то же время ярким примером роста благосостояния и повышения запросов советских людей» [9]. К 60-м гг. жизнь советских людей значительно улучшилась по сравнению с первыми послевоенными годами.

Предполагалось создать общественную систему удовлетворения бытовых нужд, в которую входили бы домовые кухни, фабрики-кухни, прачечные, столовые, чайные, различного рода закусочные, централизованная уборка помещений. Было принято в феврале 1959 года постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О дальнейшем развитии и улучшении общественного питания» [16, с. 552-553].

Жилищное строительство стимулировало производство товаров народного потребления длительного пользования. Таким образом, оно яв-

лялось структурообразующим благом, так как новое жилье требовало обновления бытовой техники, мебели, электроники и т.п. Каждый новосёл являлся потенциальным покупателем и инвестором, потому что ему для обустройства требовались обои, кухонное оборудование, новая мебель и масса других предметов. Повышение спроса на эти товары вело к увеличению их производства, а увеличить этот спрос могло только увеличение объёмов жилищного строительства. Следовательно, жильё являлось элементом макропродуктивной модели.

В середине 1950-х гг. с началом массового жилищного строительства проводилась линия, которая оправдывалась экономией государственных средств: жилые квартиры с низкими потолками, маленькими кухнями, с совмещенными санузлами и тесными передними. Новоселы поначалу радовались улучшению своих жилищных условий, однако со временем выражали неудовлетворение потребительскими качествами жилища. Все больше и больше на первый план выходили элементы комфортности – практичность, целесообразность, удобства и т.д.

Постепенно снимали ограничения в этажности застройки, изменяли внутреннюю планировку жилья, пересматривали нормы минимальной высоты квартир. Москвичей теперь волновали не только количество комнат и метраж, но и получаемый район Москвы, обеспеченность детсадами и школами, учреждениями обслуживания, транспортом, этажностью, близостью рекреации, отсутствие балкона и т.д. [2]. Разрыв между достигнутой обеспеченностью жильем и уровнем притязаний

значительно возрос. Всё это учитывалось архитекторами и закладывалось в проект в разной степени.

Советские граждане все больше стремились не только к увеличению жилой площади, но и к улучшению уровня жилищных условий. Все большую значимость имела отдельная комната для каждого человека. Поэтому потери жилой площади при обмене менее благоустроенной квартиры на более благоустроенную могли быть значительными [3, с. 27]. Жители больших городов все больше осознавали недостатки и достоинства отдельных районов, престижность того или иного дома или района. Представления о благополучии со временем менялись. Если в 1950-1960-х гг. мечтали переселиться в пятиэтажки из коммуналок и бараков, то в 1970-е г. потребность была в современных домах со всеми удобствами и наличием поблизости школ, садов, магазинов, поликлиник, спортивных сооружений.

Увеличился спрос на услуги, связанные с частичной реконструкцией новых квартир, поэтому практиковалась выдача ордеров на квартиры за 3-4 месяца до окончания строительных работ. Всё это позволяло новоселу ещё до въезда в квартиру оклеить обои, поставить понравившиеся ему сантехприборы и газовые плиты. Все больше новоселы старались сделать свою квартиру не только красивой, но и удобной, комфортной, с рациональным оборудованием, тем самым подчеркивая, что в интерьере удобство и красота неразделимы. С другой стороны, архитектурные органы устали от борьбы с произволом горожан в застеклении лоджий, покраске балконов, перепланировке квартир.

Улучшение жилищных условий было самой настоятельной материально-бытовой потребностью, более важной, чем повышение заработной платы, развитие сферы услуг или расширение ассортимента товаров. Отдельная квартира способствовала улучшению структуры свободного времени, избавлению от чрезмерных затрат на домашние заботы с целью больше времени тратить на культурные развлечения, на учебу, воспитание детей. Семьи, проживающие в коммунальных квартирах, затрачивали в 1,5 раза больше времени на бытовые нужды, чем проживающие в новых благоустроенных квартирах. [7, с. 53]. Отдельные квартиры на 20% снижали затраты на приготовление пищи, на 40% – по уходу за помещениями, снижали заболеваемость людей [11, с. 244], что было очень важно в хозяйственно-бытовой деятельности, которая стала все теснее связана с общественным обслуживанием, являвшимся посредником между семьей и промышленностью. Мастерские и другие производственные и подсобные помещения исчезли из квартир. Женщины в среднем экономили 25% времени на домашний труд, а мужчины – почти 40-50% [6, с. 105].

В отдельных квартирах улучшались условия для повышения квалификации, творческого развития личности, профессиональных занятий, расширялись возможности для воспитания подрастающего поколения, обучения школьников. Успеваемость школьников, живущих в отдельных квартирах, была много выше, чем у школьников, живущих в коммуналках. Наблюдался так называемый «детоцентризм», когда потребности детей определяли тре-

бования семей к квартире. Подростки и юноши стремились в существенной пространственной независимости от родителей. С получением отдельной квартиры более интенсивно реализовывались культурные потребности (частота чтения книг, посещения театров, прием гостей и т.д.).

С середины 1950-х гг., когда началось массовое жилищное строительство в СССР, наблюдался лавинообразный рост спроса на мебель (по сравнению с 1940 г. продажа мебели увеличилась в 1965 г. в 12 раз, в 1970 г. – в 18, в 1975 – в 26 раз [18, с. 128]. Потребитель был заинтересован в новой мебели. Совет Министров СССР в 1958 г. издал постановление: «Об увеличении производства мебели для продажи населению в 1958-1960 гг. и улучшении её качества», в котором было предусмотрено расширение выпуска мебели с применением пластических масс, металлических каркасов из алюминиевых сплавов¹. Мебель должна была соответствовать (по своим размерам и конструкции) маломерным квартирам. Мебельные фабрики с середины 1960-х гг. начали действовать в соответствии с жилищной программой. Миллионы потребителей ждали от советской мебельной промышленности изделий высшего мирового стандарта.

С переходом к посемейному принципу заселения квартир появилось больше возможностей к оснащению квартир радио- и телевизионной аппаратурой, магнитофонами, музическими инструментами, появлением личных библиотек. Жилье все больше пре-

вращалось в средство получения культурных благ. Спрос на промышленные товары длительного пользования заметно вырос. В 1953–1960 гг. потребление одежды выросло в 1,5 раза, культтоваров – в 2,8 раза [19, с. 51]. На 100 семей городского населения к середине 1960-х г. приходилось 32 телевизора, 29 стиральных машин, 54 швейных машин, 67 радиоприемников [12, с. 407]. Эти товары стали обычным явлением в каждой семье, что доказывало возросшее благосостояние советских людей. Структура народного потребления значительно улучшилась. Рабочие и служащие все больше сближались по наличию и структуре обеспеченности семей бытовыми приборами и машинами. Быт революционизировался при жизни одного поколения.

Массовое жилищное строительство способствовало изменению образа жизни советского человека, становлению новой, обособленной сферы человеческого бытия. Москвичам особенно была свойственна ориентация на личную автономность и независимость как важнейшую жизненную ценность. Через несколько лет после смерти И.В. Сталина при Н.С. Хрущеве стало формироваться так называемое «общество потребления». Это было неизбежным результатом экономического развития страны.

Н.К. Байбаков (бывший председатель Госплана) вспоминал: «Именно в восьмой пятилетке существенный акцент был сделан на ускоренное развитие производства предметов потребления, в том числе производства автомобилей. Для восьмой пятилетки такая структурная политика была, безусловно, верной. Она и определила вы-

¹ Центральный архив общественно-политической истории Москвы. Ф.4. Оп. 106. Д. 7. Л. 290.

сокие темпы развития нашей экономики в 1966-1970 годы» [4, с. 116].

В беседе с писателем Ф.И. Чуевым видный советский политический и государственный деятель В.М. Молотов даже через много лет самым негативным образом оценивал деятельность Н.С. Хрущёва: «...он дал возможность вырваться наружу такому зверю, который сейчас, конечно, наносит большой вред обществу. Значит, не просто Хрущёв.

- Но этого зверя называют демократией.

- Называют гуманизмом, - говорит Молотов – А на деле мещанство» [20, с. 433].

В другой беседе с Ф. Чуевым В.М. Молотов опять затронул эту тему: «Хрущёв сыграл на обывателе, на мещанине – побольше товаров, похуже да подешевле! Домов настроили с низкими потолками, скопировали за границей у капиталистов...» [20, с. 583]. И далее В.М. Молотов делал вывод: «Потребительство – это самое опасное. Если мы не разберемся в этом деле, попадем в очень трудное положение (14.01.1975)» [20, с. 585].

В книге о А.Н. Косыгине (бывший председатель Совета Министров СССР) приводится такой эпизод: «...разгорелся жаркий спор между членами Президиума. А.Н. Косыгин и А.И. Микоян решительно возразили Козлову: народу надо давать не только водку, но и легковые автомобили, холодильники, радиоаппаратуру и другую сложную технику, потребности людей быстро растут...» [14, с. 33].

Взросший уровень потребления материальных, духовных и научных ценностей, несомненно, был связан с подъемом народного образования

советских граждан. Образованность, урбанизация, общее расширение информационных возможностей, рост знаний о том, как живут люди за рубежом вели к возвышению и обогащению запросов советских людей. На протяжении 1950-1960-х гг. потребности людей нарастали в постоянно ускоряющемся темпе. Молодежь все более становилась ориентированной на запросы частной жизни, на потребление, чем родительское поколение. В 1970-е гг. некоторые писатели отмечали, что в советском обществе всё больше распространяется потребительство, накопительство, вещизм – «равнодушие ко всему на свете, кроме удобства для своего зада» [5, с. 78].

Многих советских людей не удовлетворяла функциональная ограниченность квартир, возрастала потребность преобразования своего жилища. Эта потребность выражалась приобретением дач, которые предусматривали преобразовательскую активность. Таким образом, недостатки типовых квартир пытались компенсировать строительством дач, потребность в которых быстро росла и становилась одной из главных ценностей. Эта потребность особенно выросла после перехода в 1967 г. на двухдневный отдых в конце недели. Распространенным явлением в 1950-1960-е гг. становится аренда дач и обычных сельских домов на лето. Бум садового и дачного строительства выражал стремление советских граждан к преобразованию крупных городов с многоэтажными типовыми домами.

Таким образом, запросы советских граждан постоянно возрастали, спрос на услуги и товары увеличивался, все больше становилось предприятий

и учреждений, потребительская лихорадка набирала обороты. Потребление становится одним из главных двигателей экономического развития. Постоянно менялась структура потребления. Советские граждане внимательно следили за всеми новинками на рынке бытовых приборов. Причиной существенных изменений в жизни советского общества было изменение массового сознания. Постепенно советское общество перерождалось в потребительское со всеми вытекающими из этого последствиями. Рос приоритет личных интересов над общественными, что являлось опасностью для социалистического строя. У большинства советских граждан появились отдельные квартиры, бытовая техника, мебель, у многих появились дачи, садовые участки. Потребности советских людей, их вкусы, повседневное поведение все больше сближались с западной социальной средой. Сфера семейной жизни в отдельной квартире была тем местом, где с детства признавались самоценность личности, свобода индивидуального выбора. Можно сказать, что социокультурные изменения начались с изменений отношения индивидов к своему повседневному существованию, к своему жилью.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аганбегян А.Г. Советская экономика – взгляд в будущее. – М., 1988. – 256 с.
2. Аргументы и факты. – 2004. – № 43.
3. Бабакин В.И. Переустройство жилищного фонда. – М., 1981. – 79 с.
4. Байбаков Н.К. Сорок лет в правительстве. – М., 1993. – 319 с.
5. Бондарев Ю. Игра. – М., 1987. – 287 с.
6. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Человек после работы: социальные проблемы быта и внерабочего времени. – М., 1972. – 368 с.
7. Грушин Б.А. Свободное время (Актуальные проблемы). – М., 1967. – 173 с.
8. За здоровый быт. – М., 1959. – 276 с.
9. Комсомольская правда. – 1960. – 8 окт.
10. Материалы XXII съезда КПСС. – М., 1962. – 464 с.
11. Микульский К.И., Роговин В.З. Шаталин С.С. Социальная политика КПСС. М., 1987. 352 с.
12. Народное хозяйство СССР в 1980 г. М., 1981. – 583 с.
13. Правда. – 1959. – 10 марта.
14. Премьер известный и неизвестный. – М., 1997. – 256 с.
15. Резолюция XX съезда КПСС по отчетному докладу ЦК партии. – М., 1956. – 110 с.
16. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.4. – М., 1968. – 784 с.
17. Сеницын В.Г. Рождение коммунистического быта. – М., 1960. – 56 с.
18. СССР. 100 вопросов и ответов. – М., 1984. – 144 с.
19. Фигурнов С.П. Строительство коммунизма и рост благосостояния народа. – М., 1962. – 242 с.
20. Чуев Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин. – М., 2000. – 736 с.

Всеобщая история

УДК 353:327(470+569.1) «21»

Мохаммад Ибрахим Назир

*Военный университет Министерства обороны
Российской Федерации (г. Москва)*

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И СИРИИ В НАЧАЛЕ XXI В

Аннотация. В начале нового века, как и в предыдущем столетии, заметное международное внимание по-прежнему привлекает к себе Ближневосточный регион. К уже традиционным очагам напряженности (Израиль и Сектор Газа, Ирак, Иран) добавилась Сирия – страна, прошедшая за несколько десятилетий путь от раздробленной, слабой и зависимой в военно-экономическом отношении страны к статусу сильной и влиятельной региональной державы. Сирия – один из главных партнеров России в современном мире в целом и Ближневосточном регионе в частности. Она является партнером России почти во всех областях международных отношений: политической, военно-технической, торгово-экономической, научно-образовательной, культурной. Одна из актуальнейших повесток дня современности – непрекращающийся конфликт в Сирии и роль в нем российско-сирийских отношений. В статье рассмотрены основы военно-политического сотрудничества России и Сирии в начале XXI в.

Ключевые слова: Россия (Российская Федерация), Сирия (Сирийская Арабская Республика), Ближний Восток, международные отношения, военно-политическое сотрудничество, внешняя политика России.

I. Mohammad

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow

MAIN FACTORS OF MILITARY-POLITICAL COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND SYRIA AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Abstract. At the beginning of the new century, as well as in the previous century, the region of the Middle East still attracts significant international attention. Besides traditional hotbeds of tension (Israel and Gaza, Iraq, Iran) appeared one more – Syria. It is the country, which during several decades has changed from an economically and military dependent and weak country to the country with the status of a strong and influential regional power. Syria is a one of the main partners of Russia in the modern world in general, as well as the region of the Middle East

© Мохаммад Ибрахим Назир, 2015.

in particular. Syria is a partner of Russia in almost all fields of international relations: political, military and technical, trade and economic, scientific and educational, cultural. One of the most actual agendas of the modernity is the incessant conflict in Syria and the role of the Russian-Syrian relations in it. The article considers the basics of the military-political cooperation between Russia and Syria at the beginning of the XXI century.

Key words: Russia (the Russian Federation), Syria (the Syrian Arab Republic), Middle East, international relations, military-political cooperation, Russian foreign policy.

Прошедшее столетие было наполнено для Сирии многими знаменательными событиями, оставившими серьезный след в ее жизни и отразившимися на роли Сирийской Арабской Республики в Ближневосточном регионе: получение независимости, череда военных переворотов, создание и наращивание мощи собственной армии, глубокие социально-экономические преобразования в различных сферах. Несмотря на политические и социально-экономические потрясения второй половины прошлого столетия, Сирии удалось добиться статуса мощной региональной державы Ближнего Востока [11, с. 207].

Наступивший XXI в сразу начал ставить перед Сирией задачи, от решения которых зависит ее ближайшее будущее. Так, уход из жизни 10 июня 2000 г. президента Сирии Хафеза Асада положил начало новому этапу не только в жизни страны, но и в российско-сирийских военно-политических отношениях. Имя Х. Асада в Сирии было равнозначно деятельности и существованию самого сирийского государства, его имя – символ превращения Сирии из политически раздробленной, слабой и зависимой в военном и экономическом отношениях страны в сильную и влиятельную региональную державу [2, с. 33]. В современных условиях глобального развития невозможно представить себе разрешение какой-либо

региональной проблемы без участия сирийской стороны.

После смерти Х. Асада президентом Сирии становится его 34-летний сын Башар Асад, чей приход вызвал весьма неоднозначную реакцию на Западе и в самом арабском мире. Вообще, с середины 1990-х гг. на Ближнем Востоке начался процесс смены правящих элит, характерной особенностью которого был приход к власти молодого поколения арабских лидеров (в Марокко, Иордании, Катаре, Бахрейне). Б. Асад также относился к этой категории молодых новых лидеров, однако многие в Сирии и в мире с пессимизмом относились к Башару Асаду как к главе САР. Дело в том, что в политической культуре Ближнего Востока такие ценности и понятия, как демократия, республика, конституция, права человека играют не столь значимую роль, чем такие приоритеты как стабильность страны и выживаемость высшей власти. Б. Асад с самого начала сравнивался со своим отцом, которому удалось удерживать власть в Сирии без малого 30 лет, при этом без особых внутренних потрясений. Б. Асад представлялся властным ближневосточным элитам и некоторым западным политикам малоопытным для столь ответственной миссии.

Но приход к власти Б. Асада был поддержан подавляющим большинством сирийцев (97,29% голосов), осо-

бенно молодежью, связывавшей с ним свое будущее [12]. Став президентом, Б. Асад получил звание верховного главнокомандующего, генерального секретаря правящей партии «Баас» и приступил к осуществлению реформ в Сирии. Вскоре декларируемые президентом принципы политической демократизации и экономической модернизации стали обретать конкретные очертания.

Процесс демократических преобразований в политической и экономической жизни сирийского общества осложнялся эскалацией напряженности в зоне арабо-израильского конфликта и ростом исламистских настроений в Ближневосточном регионе. Характерная особенность развития страны – сирийские вооруженные силы и органы государственной безопасности, по-прежнему, главный элемент социально-политической жизни Сирии, осуществляющие контроль над развитием важных внутривластных процессов в стране. С момента завоевания государственной независимости национальные вооруженные силы Сирии – один из ключевых элементов всей политической системы. Сирийская армия стала мощной опорой правящей политической элиты в процессе поддержания внутривластной стабильности и защите национальных интересов. Б. Асад понимал, что в сложившихся политических условиях его власть объективно ограничена, а его соратники, сторонники реформ, не имели необходимого политического веса для изменения ситуации в свою пользу [1, с. 118].

Постулат, которой руководствовался Асад в начале процесса реформирования, можно сформулировать

как «преемственность ради реформ» [14, с. 28]: взять все положительное из прошлого и избежать серьезных политических потрясений. Наглядное доказательство – сформированный в сентябре 2003 г. новый сирийский Кабинет министров [1]: состав правительства сменился почти на 50% и него вошли в большинстве своем профессионалы в своей области.

Очевидно, что приход к власти нового президента в Сирии и начало демократических преобразований в стране – принципиально новый этап в развитии Сирии. Более того, этот факт во многом обусловил формирование политических и правовых основ российско-сирийского сотрудничества в новейшей истории развития двух государств.

Разрушение биполярной геэкономической структуры мирового хозяйства; передел рынков сбыта военной продукции и двойных технологий; унификация европейского рынка вооружений; развертывание нового этапа научно-технической революции, в частности массовая информатизация систем вооружений, объединение разрозненных видов вооружений в единую сеть управляемых комплексов систем оружия; возникновение научно-технических возможностей для создания принципиально новых видов и систем оружия; прорыв в области высокоточных обычных вооружений и противоракетной обороны – все это не только изменило положение участников международных отношений, но и привело к пересмотру внешней политики стран и выработки новых форм сотрудничества и взаимодействия в военно-политической сфере.

Конец XX-начало XXI вв. положил начало более рельефному очертанию складывающегося и развивающегося современного военно-политического сотрудничества между государствами. Коренные изменения, произошедшие на международной арене в этот период, не могли не отразиться на уровне обеспечения национальной безопасности государств. Россия и Сирия не стали исключением.

Отношения России и Сирийской Арабской Республики связаны многовековыми традициями дружбы и обладают богатым наследием политического, экономического, военного и культурного сотрудничества, что обусловило единство и схожесть взглядов на основные аспекты военно-политических отношений между данными государствами и во многом предопределило их развитие.

Наиболее важным фактором развития военно-политического сотрудничества России и Сирии является военный. Рассматривая его, прежде всего, следует выделить такой компонент, как подготовка и обучение национальных военных кадров и технического персонала.

Вместе с тем Россия всегда была сторонницей мирных средств разрешения конфликтных ситуаций и использования арсенала традиционных дипломатических методов и средств. Отказавшись в середине 1990-х гг. от политики односторонних уступок, Россия существенно укрепила как свои военно-политические отношения с Сирией, так и свои позиции в ближневосточной политике.

Другим важнейшим фактором, оказывающим непосредственное влияние на развитие военно-политического со-

трудничества, является политический фактор.

Отношения между Российской Федерацией и Сирией можно разделить на два периода.

Первый период (1944-2000 гг.) – становление двусторонних отношений. При этом начало военно-политическим отношениям было положено сразу же после обретения Сирией независимости, и они основываются на базовом советско-сирийском международном договоре от 1980- г.

Второй период (с 2000 г. – по настоящее время) – налаживание военно-политических отношений, увеличение объемов продаж вооружения, поддержание военно-промышленного комплекса, совместные действия и мероприятия, направленные на поддержание региональной и международной безопасности.

Политический фактор является вполне объективной и закономерной причиной развития двусторонних военно-политических отношений России и Сирии. Кроме того, он исторически направлен на коалиционное стратегическое взаимодействие данных государств в Ближневосточном регионе.

Важной чертой, стимулирующей развитие военно-политического сотрудничества, является экономический фактор. Его следует рассматривать через основные компоненты сотрудничества: двусторонние экономические отношения по закупкам и продажам военно-технических средств и расширение торгово-экономического и научно-технического сотрудничества в целом.

Немалый вклад в становление военно-политического сотрудничества России и Сирии вносит гуманитарный фактор.

Гуманитарный фактор в российско-сирийских отношениях характеризуется комплексом разнообразных задач: проведение мероприятий по совершенствованию системы социально-правовой защиты российских соотечественников в Сирии, по созданию культурных центров, осуществлению культурных и информационных программ и мероприятий, проведению фестивалей, выставок, гастролей, направленных на сохранение и развитие культуры этнических россиян.

Происходящие в настоящее время в Сирии события нельзя рассматривать в отрыве от общей политической ситуации, сложившейся в данном регионе. Сирия – своего рода центр арабского мира и происходящие в ней события оказывают влияние на подавляющее большинство стран региона.

Сложившиеся военно-политические отношения между государствами выгодны обеим сторонам. России – прежде всего, тем, что Сирия является активным покупателем ее вооружений и военной техники, что усиливает емкость и перспективность взаимодействия в этом направлении, особенно касательно высокоточного оружия, предназначенного для сухопутных войск. Все это позволяет России, с одной стороны, быть востребованной на рынке Ближнего Востока, а с другой стороны, поддерживать на должном уровне мощь отечественного военно-промышленного комплекса.

Сирия, в свою очередь, благодаря поставкам российского вооружения получает возможность поддерживать определенный баланс сил на Ближнем Востоке, противодействовать международному терроризму

и поддерживать свой внешнеполитический имидж как сильного государства в данном регионе. В настоящее время Россия поставляет вооружения и военную технику Сирии исключительно оборонительного характера согласно имеющимся торговым двусторонним договорам, наращивая тем самым объемы поставок оружия [4, с. 35].

Необходимо обратить внимание на важность для России экспорта военной продукции в Сирию. Ситуация в конце XX – начале XXI вв. сложилась таким образом, что на мировом рынке эта отрасль – одна из немногочисленных конкурентоспособных для России сфер. Россия как традиционный поставщик сырья с помощью расширения сотрудничества в военно-технической сфере и через экспорт вооружения получает возможность выхода на рынок гражданской высокотехнологичной продукции, а это значит укрепление военно-политических позиций РФ в различных регионах мира и значительные финансовые средства в национальную экономику [10]. В связи с этим неудивительно, что Россия выступает за последовательное и стабильное расширение рынков сбыта своей военной продукции, где Сирия занимает отнюдь не последнее место [7].

Военно-политическое сотрудничество России и Сирии является объективной необходимостью, которая отвечает определенным интересам национальной безопасности данных государств. Их достаточно длительная история сотрудничества в данной области, государственные интересы и желание укреплять двухсторонний диалог являются тому прямым под-

тверждением. Кроме того, существуют внешние аспекты, оказывающие влияние на развитие военно-политического сотрудничества государств.

Важным обстоятельством, которое определяет значение Сирии во внешнеполитической деятельности России, является ее роль в качестве партнера России. Сирия желает поднять свой престиж в регионе за счет обретения новейших видов вооружения, что позволяет ей оснащать свою армию для укрепления безопасности.

Ситуация вокруг Сирии остается сложной. Исход противостояния сирийской правящей группировки, пользующейся поддержкой значительной части общества, с радикальной оппозицией, в значительной степени поддерживаемой извне, во многом зависит от лояльности армии и правоохранительных структур правящему режиму, а также позиции стран – постоянных членов СБ ООН, и в частности России.

Россия считает важным предотвратить перерастание внутрисирийского конфликта в полномасштабную гражданскую войну, ее призывы направлены на безотлагательное прекращение насилия с обеих сторон и запуск процесса общенационального диалога без предварительных условий и иностранного вмешательства. Она поддерживает меры, связанные с реализацией политической реформы, предложенной Дамаском, включая не так давно состоявшийся референдум по изменению конституции этой страны.

Следует отметить, что российско-сирийские отношения в военно-политической области привлекают к себе внимание мирового сообщества. Во многом это обусловлено повышенным

интересом к происходящим событиям в Ближневосточном регионе. Кроме того, интерес обусловлен тем фактом, что Сирия была включена в список государств-изгоев, в эту страну долгое время запрещались поставки и продажа оружия [18, с. 185].

Сирия стала предметом особого интереса со стороны мирового сообщества. Она и раньше находилась в центре внимания как страна, конфликтующая с Израилем и сильно раздражающая США, под санкциями которых пребывает уже длительное время.

В 2012 г. ситуация в Сирии обострилась. Занятая сирийским правительством позиция была поддержана Россией на всех уровнях, в том числе на Совете Безопасности ООН. Причины этого очевидны:

1. Россия имеет стратегические интересы в Сирии.

2. Кризис в Сирии совпадает с происходившими внутренними процессами в России, в частности речь идет о парламентских и президентских выборах.

3. Намечившаяся тенденция к выходу западных стран за рамки резолюций Совета Безопасности ООН [16, с.16].

Основной акцент в российско-сирийских военно-политических отношениях следует делать на поддержании Россией проекта национально-государственного управления Сирией. Таким образом, политика России по конфликту в Сирии в 2012 г. не характеризовалась статичностью, она постепенно эволюционировала от первоначально односторонней поддержки правительства Сирии к более рациональному и сбалансированному

подходу¹, сущность и содержание которого сводятся к пониманию Россией необходимости политических перемен и переходного процесса в Сирии. При этом следует отметить, что и центральные власти Сирии также пришли к пониманию того, что необходимо ослабить давление и разрядить конфликтную ситуацию. Добиться этого представляется возможным только путем постепенного реформирования государственной структуры управления [19, с. 64].

Поддержка Россией позиций Сирии обусловлена не только ее стратегическими интересами, сложившимися

историческими традициями, оказанием поддержки, желанием стимулировать развитие военно-промышленного комплекса, расширять рынок сбыта военной продукции, но и стремлением закрепить свои позиции в регионе и усилить свое влияние.

Следует заметить, что российская поддержка официальных властей Сирии всегда оставалась ограниченной – это объясняется стремлением России соблюдать баланс: с одной стороны, Россия не готова вступать в антисирийский лагерь, а с другой – четко осознает возможную негативную реакцию для себя со стороны официальных властей Вашингтона и Тель-Авива, отношения с которыми представляются для России не менее важными, чем отношения с Сирией.

Начиная с 2004 г., после ливанских событий, Сирия, по сути, оказалась в международной изоляции, которая стала стимулом нового российско-сирийского сближения, основой более тесных и сплоченных взаимоотношений двух государств и их позиций по развитию событий в Ближневосточном регионе. Начался период формирования незыблемых основ военно-политического взаимодействия России и Сирии, обоюдной поддержки позиций друг друга по самым важным для государств вопросам.

Вместе с тем многовекторность внешней политики России требовала поступательной реализации намеченных внешнеполитических планов. Время слепого «следования» за Западом, характерное для российской внешней политики 1990-х гг., сменилось периодом становления собственного курса и выработки приемов неконфронтационной политики. С середины 2000-х гг.

¹ Данный подход стоял за предпринятой Россией с конца весны 2012 г. серией мер по «ограничению ущерба». Наряду с искренней попыткой стимулировать внутрисирийский переговорный процесс и предотвратить или максимально отдалить более радикальные действия со стороны США и НАТО без соответствующего мандата СБ ООН, этот подход в наибольшей степени проявился в поддержке Россией плана перемирия, предложенного спецпредставителем ООН и ЛАГ по Сирии Кофи Аннаном («плана Аннана») и одобренного Советом Безопасности ООН в апреле 2012 г. (резолюция № 2042). Этот план, для подготовки которого Москва вложила немалые дипломатические усилия, формально получил поддержку сирийского правительства и предусматривал отправку в Сирию миссии наблюдателей ООН (в соответствии с резолюцией № 2043 СБ ООН). Уже после первого крупного нарушения условий «плана Аннана» – жестокой резни в сирийском городе Хула в конце мая – отдельные попытки российской дипломатии несколько дистанцироваться от фигуры Б. Асада впервые получили подтверждение на высшем государственном уровне, в ходе первых визитов В. Путина в Европу в его «новом» президентском статусе. Как заявил Путин на совместной пресс-конференции с канцлером ФРГ Меркель 1 июня 2012 г.: «У нас с Сирией добрые многолетние отношения, но мы не поддерживаем ни одну из сторон, от которой исходит угроза гражданской войны».

Россия пытается проводить (успешно или нет, это отдельный вопрос) независимую от США внешнюю политику на международной арене, одна из немногих противодействуя устремлениям Вашингтона по установлению однополярного мира и доминированию в самых различных сферах международных отношений.

Известно, что США, оставшись после распада СССР единственной мировой сверхдержавой, постоянно поддерживая и подпитывая свои гегемонистские устремления, продолжают попытки установления контроля над территориями и режимами на Ближнем Востоке с помощью своей силовой мощи, техники, поддержки со стороны своих союзников и сателлитов. При этом интересы последних зачастую просто игнорируются, а иллюзии в отношении истинной роли и степени влияния ООН на происходящие в регионе и мире процессы присущи лишь сотрудникам этой организации и получателям международной донорской помощи, но никак не политикам и дипломатам ведущих стран мира. В случае принятия решения о целесообразности военного удара по какой-либо из стран «оси зла» можно быть абсолютно уверенным, что этот удар будет нанесен, в чем мировое сообщество могло убедиться на примерах Ирака и Ливии. Произойдет это вне зависимости от мнения по этому поводу мирового сообщества, союзников по НАТО и критики администрации в самих Соединенных Штатах [15].

Кроме того, стоит учитывать значение противодействия политики стран-конкурентов на рынке вооружений со стороны США. При проведении военно-технического сотрудничества

американская сторона довольно часто прибегает к политическому давлению на иностранные государства. США все активнее используют в этих целях международно-правовые и торгово-экономические рычаги. Наибольшее давление США пытаются оказывать на Россию – своего главного конкурента на мировом рынке поставок вооружений. Цель – не допустить восстановления и укрепления российского ВПК и позиций РФ на мировом рынке вооружений, средства – поиск рычагов давления и на саму Россию, и на ее партнеров в сфере ВТС.

2009 год был ознаменован юбилеем – 65-летием установления дипломатических отношений между Россией и Сирией. Были подведены итоги отношений за этот период и обозначены ближайшие перспективы в развитии двусторонних отношений:

- Россия (тогда еще СССР, разумеется) была одной из первых стран, признавшей независимость Сирийской Арабской Республики в 1944 г. [13];

- самые ощутимые результаты российско-сирийского сотрудничества достигнуты в технической и научно-образовательной сферах: построены Евфратский гидроэнергетический комплекс, более 80 крупных промышленных объектов, проложены тысячи километров железных дорог и линий электропередачи. Свыше 35 тысяч сирийцев получили образование в советских и российских вузах, ежегодно на учебу в Россию направляется свыше 100 человек;

- благоприятные перспективы отмечаются в торгово-экономической области: растет товарооборот между двумя странами (в 2008 г. достиг рекордной отметки в 2 млрд. долларов – рост за

последние 3 года более чем в 4 раза). Таким успешным показателям способствует деятельность созданных по инициативе обеих стран Постоянной межправительственной российско-сирийской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству и Российско-сирийского делового совета (РСДС);

- основная сфера российско-сирийского сотрудничества – топливно-энергетический комплекс (ТЭК): нефтегазодобыча и переработка, сооружение энергетических объектов. Плюс взаимодействие в области ирригации и мелиорации земель, в области транспорта, строительства, туризма (с 2008 г. между странами действует безвизовый режим посещения по дипломатическим и служебным паспортам);

- поддерживаются российско-сирийские связи в области науки и культуры: научные обмены между двумя странами, в Дамаске имеется Российский центр науки и культуры, где большой популярностью среди сирийцев пользуются курсы русского языка. В Дамасской консерватории работают российские преподаватели. Ведет раскопки российская археологическая экспедиция [8].

Вообще, если обратиться к анализу событий и международных тенденций последних лет, то становится очевидно, что сирийский кризис – лучшее доказательство краха политики перезагрузки отношений между США и Россией, инициированной администрацией президента Обамы. В течение года США пытались сотрудничать с Россией в поиске альтернатив для решения «сирийского вопроса». Краеугольный камень ситуации, на наш взгляд, – же-

лание американской стороны провести военную операцию в Сирии для разрешения сложившегося положения (с точки зрения Белого дома – свержение сирийского президента Асада и прекращение гражданской войны в пользу сирийских повстанцев) и категорический отказ России поддержать подобное вторжение международных войск. Главное требование России – конфликт необходимо решать путем многосторонних переговоров.

В данном контексте достаточно актуальным представляется вопрос, почему президент России, испытывающий острую антипатию к смене режимов силовым методом, так решительно поддерживает Асада? Причин, по нашему мнению, несколько:

- 1) Россия неплохо зарабатывает на экспорте оружия в Сирию, плюс для России крайне важно сохранение в Средиземноморском регионе своей военно-морской базы в Тартусе – это напрямую зависит от сохранения нынешнего сирийского режима;

- 2) страх перед распадом сирийского государства и религиозный фактор: Сирия сейчас – еще один полигон в глобальной и многолетней борьбе между светскими государственными режимами и суннитскими исламистами, которая началась с афганского Талибана, затем переместилась в Чечню, а после привела к «арабской весне» в нескольких североафриканских странах (Тунис, Египет, Ливия) [20]. В сложившейся обстановке Россия не может одобрить вторжения международных сил в Сирию, которое может привести к распаду сирийского государства и к возникновению весьма неоднозначной и опасной ситуации в Ближневосточном регионе.

Прежде всего, президента России интересуют важные вопросы:

- кто понесет ответственность за последствия падения режима?

- кто будет сдерживать суннитских экстремистов?

- кто будет удерживать экстремистов вдалеке от Северного Кавказа и других российских регионов с многочисленным суннитским населением?

- кто будет охранять химическое оружие Сирии?

3) сомнения российской стороны в том, что США и международное сообщество в состоянии обеспечить стабильность в Сирии. Сирия владеет огромными запасами обычных вооружений наряду с арсеналом оружия массового уничтожения, представляющими заметную угрозу для соседних государств (Ливана, Иордании, Турции, Ирака, Израиля, Ирана) [6].

Следует заметить, что главный принцип, которым руководствуется Россия в этом вопросе – принцип дипломатического переходного процесса, оставляющий определенные шансы и возможности сирийскому президенту и лагерю его сторонников. Запад же, напротив, настаивает на отстранении Асада и его клана от власти как об обязательном предварительном условии любого решения сирийского кризиса. Очевидно, что оба противоборствующих лагеря в данный момент не стремятся к обострению ситуации, что позволяет предположить, что тот и/или другой все же смягчит свою позицию.

Возможность применения силы против Сирии, как это уже было в начале XXI в. с Афганистаном и Ираком, а позже с Ливией, вновь поднимает вопрос о международном праве и его применении. Ситуация вокруг Си-

рии вновь перевела эту тему в разряд остроактуальных.

Таким образом, можно сделать вывод, что развитие отношений с Сирией отвечает как традиционным, так и актуальным интересам России. В свою очередь, как нам представляется, Россия проводит сбалансированный внешнеполитический курс: с одной стороны, необходимость поддержания добрых отношений со всеми региональными государственными субъектами требует от нее умеренности в процессе оказания помощи Сирии, с другой – Россия – единственное государство, которое проявляет стремление и готовность предоставлять поддержку и защиту Сирии. Отчасти, заинтересованность России в укреплении сотрудничества с Сирией связана с ее желанием укрепить собственный статус мировой державы на международной арене.

Также отметим, что оценки зарубежных (в основном, западных) политологов и экспертов современной политики России как непоследовательной, без общего видения, подхода и концепций необоснованны и не подкреплены соответствующими фактами [17;5;3;9]. Высказывания о неоднозначности российского присутствия в регионе вполне можно опровергнуть тем, что как раз влияние было достаточно однозначным и прозрачным и выражалось оно посредством осуществления дипломатических контактов с данными государствами и построения основ для политического взаимодействия и сотрудничества не только в контексте российско-сирийского сотрудничества. Речь идет об основаниях политики России на Ближнем Востоке в целом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахмедов В.М. Башар Асад: политический портрет // Россия и мусульманский мир. – 2004. – № 9. – С. 160-175.
2. Ахмедов В.М. Сирия на рубеже столетий: власть и политика. – М., 2003. – 172 с.
3. Бушуев М., Найт Б. Не так силен Путин, как кажется («Deutsche Welle», Германия). – Режим доступа: <http://www.dw.de/эксперты-не-так-силен-путин-как-кажется/a-17245766> (сайт «Deutsche Welle». - 26.11.2013).
4. Военно-техническое сотрудничество России с иностранными государствами: основы, проблемы и перспективы. / Под ред. Н.И. Калининой. – М.: ИМЭМО РАН. 2010. – 283 с.
5. Гунев Г. Сирия — поле битвы США и России («American Thinker», США). – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20140120/216664906.html> (сайт Иносм. - 20.01.2014).
6. Заявление официального представителя МИД России А.К. Лукашевича в связи с высказываниями Министра обороны США. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/47967e11ee7ef58944257bf6003d1a22/44257b100055e10444257bd200515c8d!OpenDocument> (сайт МИД РФ. – 25.08.2013).
7. Зубович А.С. Экспорт российской продукции военного назначения: объемы растут // Российский внешнеэкономический вестник. – 2010. – № 1. – С. 57-59.
8. К 65-летию дипломатических отношений между Россией и Сирией. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/47967e11ee7ef58944257bf6003d1a22/432569d80021985fc32575fa0027c385!OpenDocument> (сайт МИД РФ. – 21.07.2009).
9. Кирас И. Русские продадут Асада? («Star gazete», Турция). – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20130913/212900676.html> (сайт Иносм. – 13.09.2013).
10. О встрече Министра иностранных дел России И.С. Иванова с Министром иностранных дел Сирии Ф. Шараа. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/47967e11ee7ef58944257bf6003d1a22/432569d80021985f43256cae00347159?OpenDocument> (сайт МИД РФ. – 17.09.2002).
11. Поляков К.И., Хасянов А.Ж. Проблема стабильности Сирии в XXI веке. // Ближний Восток и современность. – 2000. – № 9. – С. 205-213.
12. Реутов А. Сирийцы верны семье Асадов. // Коммерсант. – 12.07.2000, №125. – С. 8. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/152835> (сайт газеты «Коммерсант». - 12.07.2000).
13. РОССИЙСКО-СИРИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (справочная информация). – Режим доступа: <http://www.mid.ru/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985f43256cae00347159?OpenDocument> (сайт МИД РФ. – 12.03.2009).
14. Савичева Е.М. Политическое лидерство на арабском востоке: проблема смены поколений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2001. – № 1. – С. 27-30.
15. Сатановский Е.Я. Россия и последствия ускоренной модернизации Ближнего и Среднего Востока // Международная жизнь. – 2006. – № 6. – С. 76-86.
16. Степанова Е.А. Вооруженный конфликт в Сирии и политика России // Пути к миру и безопасности. – 2012. – ноябрь. – № 2 (243). – С. 7-25.
17. Тахар бен Джеллун. Асад и Путин — близнецы-братья («Le Point», Франция). – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20140218/217642204.html> (сайт Иносм. - 18.02.2014).
18. Харкевич М.В. Внесистемность «государств-изгоев» реальность или риторика? // Вестник Российского гуманитарного университета. – 2009. – №1. – С. 183-193.
19. Шарипов У. Битва за Сирию // Обозреватель – Observer. 2012. № 10. – С. 64-74.

20. Hill F. The Real Reason Putin Supports Assad: Mistaking Syria for Chechnya. – Режим доступа: <http://www.foreignaffairs.com/articles/139079/fiona-hill/the-real-reason-putin-supports-assad> (сайт Foreign Affairs. - 25.03.2013).

РАЗДЕЛ II. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК: 323.1

Клементьев Д.Ю.

Московский государственный областной университет

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: В данной статье раскрываются основные составляющие национальной политики РФ. Автор делает акцент на наличии определенных уровней, раскрывающих содержание национальной политики. Уделяя особое внимание каждому уровню, раскрываются такие вопросы, как: процесс институционализации национальной политики, включающий способы реализации национальной политики, ее цели; федеральные структуры и региональные органы власти, занимающиеся вопросами межэтнических отношений; политико-правовые аспекты, где основное внимание отводится нормативно-правовым актам; идеологическая составляющая, учитывающая этническое многообразие, проблемы в области функционирования русского языка, языковую политику, и ресурсная составляющая, раскрывающая экономические, финансовые и социальные возможности для создания благоприятных условий существования народов.

Ключевые слова: национальная политика, межэтнические отношения, народ, этнос, развитие, закон.

D. Klement'ev

Moscow State Regional University

STATE NATIONAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: This article describes the main components of the national policy of the Russian Federation. The author focuses on the presence of certain levels, revealing the contents of the national policy. Paying special attention to each level, the following issues are revealed: the process of institutionalization of the national policy, including the ways of its implementation, as well as its goals; federal agencies and regional authorities dealing with ethnic relations; political and legal aspects, where the main attention is paid to the regulatory legal acts; the ideological component, which takes into account the ethnic diversity and the problems of the Russian language functioning; the language policy, and the resource component, which reveals the economic, financial and social opportunities for the creation of favorable conditions for the existence of nations.

Key words: national policy, ethnic relations, nation, ethnos, development, law.

© Клементьев Д.Ю., 2015.

Национальная политика России имеет несколько уровней: первый уровень – институциональный, обеспечивающий процессуальные организационные возможности ее реализации; второй – политико-правовой, включающий весь спектр вопросов, связанных с выстраиванием правового пространства для свободного и равноправного развития этносов; третий уровень – идеологический, наиболее уязвимый с точки зрения переживаемого переходного состояния общества; четвертый уровень – ресурсный – агрегирующий весь набор экономических, финансовых, социальных возможностей для создания одинаково благоприятных условий существования народов, населяющих страну.

Сфера межэтнических отношений неразрывно связана со всеми сторонами общественной жизни.

Для 40% опрошенных важной характеристикой россиян являются этнические различия, но большинство респондентов указали, что граждане страны различаются, прежде всего, по имущественному положению (71%), возрасту (50%), а также по критерию местный/приезжий (44%) [6].

Согласно другому национальному опросу 57,7% респондентов заявили, что «не отрицая своей национальной принадлежности» они могут сказать о себе «Моя национальность – россиянин» [5, с.179.].

Основы институализации современной государственной политики в сфере межэтнических отношений заложены в Конституции Российской Федерации.

Согласно Основному закону компетенцией государства является установление основ федеральной поли-

тики «в области государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации (п. “е”, ст. 71). Президент страны «в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами определяет основные направления внутренней и внешней политики государства», в том числе в сфере межэтнических отношений.

С целью непосредственного координирования национальной политики государства в 2002 г. был образован Совет по межнациональным отношениям при Президенте России. Совет является совещательным и консультативным органом, созданным «в целях обеспечения взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений, научных и других организаций при рассмотрении вопросов, связанных с реализацией государственной национальной политики Российской Федерации» [4].

К компетенции Российской Федерации и субъектов РФ совместно относится защита прав и свобод человека и гражданина, национальных меньшинств, исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей (п. «б», ст. 72).

Федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по информационно-аналитическому содержанию, организационному обеспечению государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере

национальных отношений, является Министерство регионального развития РФ.

Большой круг вопросов, связанных с национальной политикой, особенно в области противодействия преступным проявлениям, экстремизму, терроризму, разжиганию межэтнической розни и религиозной вражды курируют МВД, ФСБ, СВР, ФМС России.

Функцию реализации ресурсного уровня национальной политики выполняет Межведомственная рабочая группа по вопросам межнациональных отношений под председательством Заместителя Председателя Правительства РФ.

Институционализация государственной национальной политики имеет региональное и местное наполнение.

В 59 субъектах Российской Федерации разработаны и действуют комплексные целевые программы и перспективные планы мероприятий, направленных на гармонизацию национальных отношений [2].

Большую роль в реализации государственной национальной политики играют органы местного самоуправления. В ряде местных образований действуют свои целевые программы поддержки коренных малочисленных народов.

Государственная национальная политика осуществляется в формате сформировавшегося правового поля, регулирующего межэтнические, межконфессиональные отношения. Основным документом, определяющим стратегию государства в сфере межэтнических отношений, является Концепция государственной национальной политики Российской Феде-

рации 1996 г. Концепция строится на идее о необходимости «обеспечения единства и целостности России», «согласования общегосударственных интересов и интересов всех населяющих ее народов», «развития национальных языков и культур».

Первым нормативно-правовым актом, реализующим базовые подходы государства в национальной политике, стал Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии». Национально-культурные автономии – это общественные объединения граждан России, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства, на основе добровольной самоорганизации, имеющей целью самостоятельное решение вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры.

В настоящее время в Российской Федерации действуют 829 национально-культурных автономий, в том числе 16 федеральных, 220 региональных, 542 местные национально-культурные автономии и 367 национальных общественных объединений (ассоциаций, центров национальных культур, землячеств).

Большое значение для развития этнического многообразия России и создания правовых условий сохранения традиций и самобытного уклада жизни малых народов имеет Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999 г., ФЗ-№ 82.

Учитывая сложность демографической ситуации народов Севера Правительство РФ приняло специальную

Концепцию устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера [3]. Так же приняты: Федеральные законы «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 20 июля 2000 г. ФЗ-№ 104 и «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 7 мая 2001 г. ФЗ-№ 49.

Единый перечень коренных малочисленных народов утвержден постановлением правительства в 2000 г. В настоящее время к данной категории относится 47 этносов. Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» дает этносам право на возмещение убытков, причиненных им в результате нанесения ущерба исконной среде обитания хозяйственной деятельностью организаций всех форм собственности.

Реализации права на самобытное культурное развитие народов России содействует Федеральный закон «О языках народов Российской Федерации» от 24 июля 1998 г. «126-ФЗ, обеспечивающий правовую защиту народов России на использование родного языка в государственной деятельности, в обучении, воспитании и культуре.

В Российской Федерации вместе с Советом Европы, Еврокомиссией и Министерством регионального развития России с 2009 г. осуществляется проект «Национальные меньшинства: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества».

Плюрализм языковой политики, меры, направленные на свободное раз-

витие языков народов России, порождают в отдельных случаях необходимость поддержки русского языка.

Для укрепления позиций русского языка, для создания равных условий овладения им всеми гражданами, развития двуязычия были реализованы республиканские целевые программы.

Сохранение функционального пространства языков народов России гарантируется образовательными нормами, которые предусмотрены Федеральным законом «Об образовании» от 10 июля 1992 г.

Неотъемлемой частью правового пространства, гарантирующего свободное развитие народов нашей страны, является закон РФ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 9 октября 1992 г. Значительное место в формировании этнокультурной практики занимают средства массовой информации.

В 2008 г. зарегистрировано более 400 телевизионных программ и более 300 радиoproграмм, вещавших на 50 национальных языках. Из всех периодических печатных изданий 9956 издавались на языках народов мира, из которых 2335 СМИ – на языках народов России и бывшего СССР.

Важнейшим направлением удовлетворения этнокультурных потребностей народов России является государственная поддержка в сфере культуры. В стране действует примерно 15 тысяч фольклорных коллективов, из них 150 – государственные народные хоры, ансамбли народной музыки, ансамбли песни и танца; открыто более 500 фольклорных отделений в музыкальных школах и школах искусств; более чем в 5 тысячах клубных учреждений работают фольклорные студии, школы,

мастерские. Важную роль в реализации государственной национальной политики играют библиотеки, музеи и другие учреждения культуры [1, с. 24-29].

Наибольшую трудность представляет реализация идеологического направления национальной политики. В условиях отсутствия в российском обществе определенных социально-политических ориентиров, ясной перспективы развития страны, выработка ценностей, объединяющих «многонациональный народ», представляет серьезную проблему.

Главным препятствием в продвижении идеи, интегрирующей российский социум, является его имущественная дифференциация и неустойчивость значительной части граждан.

Большую опасность для стабильности российского социума представляет ориентация протестных настроений в обществе на высший эшелон властных структур, не дифференцированных с бизнес-структурами.

Социальный «разлом» многие политологи характеризуют понятием «двух России», отличающихся набором ценностей, приоритетов, предпочтений и стереотипов общественного поведения.

Необходимо отметить, что описанное противоречие проявляется даже на уровне социальных групп, относящихся к одному слою.

Глубокий социальный разлом российского социума, отсутствие конструктивного диалога между обществом и властью не позволяют продуцировать идеологическую платформу российской общности на иной, кроме созданной в советское время, основе.

Еще одним традиционным идеологическим трендом государственной деятельности в сфере межэтнических отношений является пропаганда и воспитание патриотизма.

В целях совершенствования системы патриотического воспитания, обеспечивающей формирование у граждан Российской Федерации высокого патриотического сознания, верности Отечеству, готовности к выполнению конституционных обязанностей, выработки новых подходов к формированию патриотического сознания обучающейся молодежи, проводятся различные совещания, форумы и встречи как на государственном, так и на региональном уровне.

Эти и другие общественно-политические мероприятия, конечно, играют определенную роль в воспитании патриотизма населения, однако коренных успехов в социально-политической стабильности общества, в том числе в сфере межэтнических отношений, благодаря такого рода паллиативам достичь невозможно. Роль цементирующего фактора, объединяющего народы и этносы, может сыграть национальная идея, генерация которой в российских условиях представляется задачей чрезвычайной сложности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Зорин В.Ю. Государственная национальная политика в контексте Всероссийской переписи населения // Государственная национальная политика и Всероссийская перепись населения 2010 года. – М., 2012. – 8–42 с.
2. Информация Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 января 2012 года. «Учебно-методическое пособие «Профилактика экстремизма в области межэтнических и

- межконфессиональных отношений – одно из направлений обеспечения национальной безопасности» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70030894> (Дата обращения 11.08.2014).
3. Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (утв. распоряжением Правительства РФ от 4 февраля 2009 г. №132-р) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zakonprost.ru/content/base/part/604614> (Дата обращения 20.08.2014).
4. Положение о Совете при Президенте Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://президент.рф/news/15577> (Дата обращения 20.08.2014).
5. Тишков В., Степанов В. Кем себя считают россияне. Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах // Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга 2008. – М., 2009. – С. 170–208.
6. Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации [Электронный ресурс]. URL: http://www.ethnoconsulting.ru/cntnt/proekty/teksty_vyp/etnokultur.html (Дата обращения 11.08.2014).

УДК 355.014

Синчук Ю.В.*Московский государственный областной университет*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье раскрыты теоретические основы морально-психологического обеспечения военной безопасности Российской Федерации. Морально-психологическое обеспечение военной безопасности – сложный системный процесс политической, военно-политической деятельности, который является взаимосвязанной совокупностью разнообразных действий, мер, акций. Для победы в современной войне важнее качественные характеристики сил воюющих сторон, чем количественные показатели (численность вооружения, техники и личного состава).

Ключевые слова: морально-психологическое обеспечение, обеспечение военной безопасности, морально-психологический потенциал, морально-психологическое состояние, духовный фактор, моральный фактор, моральный дух, политико-моральное состояние.

Yu. Sinchuk*Moscow State Regional University*

THE THEORETICAL BASICS OF THE MORAL AND PSYCHOLOGICAL ENSURING OF THE RUSSIAN FEDERATION MILITARY SECURITY

Abstract. In the article the theoretical basics of the moral and psychological ensuring of the military security of the Russian Federation are disclosed. The moral and psychological ensuring of the military security is a complex systemic process of political and military-political work which is an interconnected set of diverse activities, measures and actions. It is concluded that to win in today's wars the qualitative indicators are more important, rather than the quantitative ones (the amount of armory, military equipment and the strength of the army).

Key words: moral and psychological ensuring, ensuring of the military security, moral and psychological potential, moral and psychological state, spiritual factor, the moral factor, morale, morale, political and moral state.

Key words: moral and psychological ensuring, ensuring of the military security, moral and psychological potential, moral and psychological ensuring, spiritual factor, morality, the moral factor, morale, political and moral condition.

Военная безопасность – сложный процесс политической, военно-политической деятельности. Кроме того, это системный процесс, так как он является взаимосвязанной совокупностью

разнообразных действий, мер, акций, которые планомерно предпринимаются военно-политическими силами и, в конечном счете, приводят к результату – совершенствованию обеспечения в системе военной безопасности [11].

© Синчук Ю.В., 2015.

История цивилизации убедительно свидетельствует о том, что в вопросах защиты интересов народов, государств одно из главных мест занимает вооружённая борьба и участвующие в ней вооруженные силы. Научное осмысление проблем достижения победы в этой борьбе приводит к выводу о том, что вооружённая борьба – это противоборство не только материальных, физических, но и морально-психологических сил воюющих сторон. Именно поэтому проблеме морально-психологического обеспечения отводилось особое внимание.

Морально-психологическое обеспечение военной безопасности поразному встает на тех или иных этапах развития человечества. Современная эра требует пересмотра взглядов на глобальные проблемы общества. Цивилизация находится в полосе системного кризиса и, как следствие, объективно ставится вопрос о дальнейшем существовании человечества.

Устанавливающийся новый мировой порядок, происходящие изменения геополитической и геостратегической ситуаций, распространение оружия массового поражения (ядерное, химическое, биологическое), вооруженные конфликты на территориальной, межнациональной и религиозной почве, агрессивный национализм и международный терроризм значительно расширяют спектр угроз безопасности Российской Федерации. Обеспечение безопасности России осуществляется в условиях, которые определяются внешними и внутренними факторами.

Внешнеполитическая обстановка последних лет свидетельствует, что формы и методы войны ещё не ушли в прошлое. На смену угрозе мировой

войны пришла серия новых вызовов и угроз безопасности России, как на локальном, так и на глобальном уровнях [12, с. 305-314; 13, с. 201-221; 14, с. 69-78].

К внутренним факторам, которые отрицательно действуют на морально-психологическое состояние граждан России, относятся сложные процессы, протекающие в обществе на пути его демократизации и трудного, болезненного перехода к рыночным отношениям. Развал СССР, по мнению В.В. Путина, общенациональная трагедия огромного масштаба. Люди столкнулись с огромным количеством новых проблем. В том числе с такими факторами, как сепаратизм, национализм, религиозный экстремизм в своем гипертрофированном виде. Деструктивные процессы разложения государственности при развале Советского Союза перекинулись на Российскую Федерацию. Политические спекуляции на естественном стремлении людей к демократии, серьезные просчеты при проведении экономических и социальных реформ привели к очень тяжелым последствиям. Одновременно все глубже в российское общество проникала идеология террора. Она становилась постоянным атрибутом при достижении политических и криминальных целей. Расширение террористической деятельности, изменение ее форм, привнесение в нее политической и религиозной составляющих в конечном итоге явилось одной из угроз целостности государства, правам и свободам человека [15].

В условиях духовного, морального, нравственного, идейного и мировоззренческого кризиса требуется: формирование адекватной методологии

анализа общественно-политических явлений и тенденций их развития в новых исторических условиях; изучение роли и значения морально-психологических аспектов обеспечения военной безопасности государства в создании и поддержании на требуемом уровне военной безопасности России.

Мировой опыт убеждает, что военная сила остается одним из важнейших инструментов политики государств. В сложном и многогранном процессе использования военной силы взаимодействуют две составляющие – материальная и духовная. Они взаимосвязаны между собой, находятся в тесном диалектическом единстве. Количество и качество материальных и духовных сил войск в суммированном виде выражается в их боевой мощи.

Изменения, происходящие в военно-политической обстановке в мире, в способах и характере ведения войны, повышают значимость позитивных ценностей, возрастают доминирующие значения человеческого фактора и морально-психологического обеспечения.

Морально-психологическое обеспечение включает: морально-психологический потенциал и морально-психологическое состояние.

Морально-психологический потенциал – это наиболее общее понятие, характеризующее духовные и психические возможности субъектов – призывного контингента, отражающие готовность к ведению военных действий для достижения политических, экономических и военных целей при максимальном напряжении духовных и физических сил. Достижение высокого морально-психологического потенциала обеспечения военной

безопасности государства реализуется через поддержание психологической устойчивости личного состава, моральную готовность к преодолению тягот и лишений воинской службы, противодействие информационно-психологическому воздействию противника. Степень реализации потенциала бывает разной и зависит от ряда компонентов: политической и экономической ситуации, состояния военно-патриотической работы, отношения к армии, от индивидуально-психологических качеств личного состава армии и социально-психологических особенностей коллектива.

Морально-психологическое состояние (моральный фактор, моральный дух, политико-моральное состояние) – это уже реализующийся морально-психологический потенциал, те духовные силы, которые непосредственно направлены для достижения целей боевых действий. Моральный фактор – величина динамичная, это политические и моральные идеи, взгляды, качества и чувства, в которых проявляется отношение народа к войне, его готовность и решимость к победе. Моральный фактор представляет собой формулирование коллективного сознания. [7]. Моральный дух – это моральная сила, готовность к действию. Моральному духу войск М.И. Кутузов придавал важное значение в войне. Он отмечал, что «но сколь ни велики сии предметы сами по себе, но останутся бессильными тогда, когда не оживятся они тем воинским духом, который приободряет все обстоятельства, не находит препон ни в каких предприятиях» [5].

Н.Н. Головин считает, что социальные и политические условия, в ко-

торых живет государство, «являются первыми данными, влияющими на «боевой дух» войск ... вот почему в современную эпоху вести войну, непопулярную в массах, есть предприятие ненадежное», ибо «все решительные и победоносные войны имели в основе идею, которая близка была сердцу бойца» [1, с. 46].

С учетом армейской терминологии понятие «моральный дух» конкретизируется определением «боевой моральный дух», который с его структурами рассматривается как умственное и моральное состояние индивидуума или группы в зависимости от выполняемых ими функций или задач, чувство общей цели, честь мундира, уровень психического состояния индивидуума, основанного на таких факторах, как восприятие цели и преданность Отечеству. По структуре понятие «боевой моральный дух» состоит из двух компонентов – рационально-идеологического и общественно-психологического.

Рационально-идеологический компонент включает следующие составляющие: патриотизм и веру в победу, способность на героические поступки, сплоченность и войсковое товарищество, взаимопомощь и дисциплинированность.

Патриотизм делает личность хозяином своей страны, ответственным за её настоящее и будущее. Патриотизм, как чувство внутренней принадлежности к единой родине, это единство соборно духовного бытия, есть основа, на которой только и может быть действителен внешний механизм армии [10, с. 6-12]. Вера в победу, сама победа достигается не количеством утрат, а осознанием идти в бой не для борь-

бы, а для победы. М.И. Кутузов неоднократно указывал, что «пусть всякий помнит Суворова: он научил сносить и голод, и холод, когда дело шло о победе и о славе русского народа» [6, с. 45]. Способность на героические поступки была отмечена М.И. Драгомировым: «в военном деле все создано на единодушии, товариществе; учим людей стрелять, колоть для того, чтобы они могли выручить друг друга; учим строям для того, чтобы они в массе не толкались, не мешали, а помогли друг другу» [2]. М.Д. Скобелев отмечал: «на взаимной помощи жидется победа» [9, с. 9-11].

Общественно-психологический компонент включает следующие составляющие: боевые традиции, мотивы поведения, относительно подвижные социальные настроения, мнения, чувства, эмоции, переживания, моральное сознание.

В русской армии боевые традиции и обычаи всегда имели особый статус. Генерал Шарнхорст 1807 г. высоко оценил боевые качества русских солдат: «Отвага русских превосходит все, что человек способен совершить. У этого народа французский император найдет свой конец» [3, с. 293]. Моральное сознание – устойчивые убеждения и взгляды, знания и чувства, эмоции и нравственность.

Политико-моральное состояние – это один из основных элементов боевого потенциала, определяемый совокупностью морально-политических, психологических и военно-профессиональных качеств. Проявление морально-политических сил народа и вооружённых сил в определённых исторических условиях зависит от общественно-экономического и политического строя, политики го-

сударства, господствующей идеологии, результативности идеологической работы. [2, с. 13-20].

Морально-психологические качества представляют взаимосвязь и взаимодополнение политических, психологических и нравственных черт личности военнослужащего, необходимых для успешного выполнения своих обязанностей. Политико-моральное состояние реализуется через идеологические, общественно и индивидуально-психологические, профессиональные, национальные качества.

Идеология – совокупность систематизированных идей и взглядов, отражающих в теоретической форме отношение людей к окружающей действительности и друг к другу. Структура идеологии складывается из определённых установок, взглядов морально-нравственного характера, которые направлены на сохранение или разрушение политического строя [11].

Профессиональные качества: военно-профессиональная подготовка, дисциплинированность, система взаимоотношений. М.И. Драгомиров требовал применения принципа учить войска тому, что необходимо на войне; формирование у воинов морально-психологической уверенности победы над врагом и готовность уничтожить его; изучение боевого опыта [2].

Н.М. Муравьев испытывал гордость за принадлежность к своей нации и убедительно подчеркнул, что невозможно русским переделываться в иноземцев, да и нет к тому оснований и побуждений, ибо быть русским – почетно, быть русским – славно, быть русским – значит приобщаться к жизни истинно человеческой и достойной [4, с. 2]. После победы над наполеонов-

ской армией русский народ ещё более осознавал свою историческую миссию [8, с. 265].

Таким образом, при рассмотрении теоретических основ морально-психологического обеспечения военной безопасности государства целесообразна определённая корректировка исторически сложившихся духовных, нравственных, моральных стереотипов в общественном сознании и программ патриотического воспитания населения на новой мировоззренческой основе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Головин Н.Н. Наука о войне. О социологическом изучении войны. – Париж: Изд-во газеты «Сигнал». – 1928. – 248 с.
2. Демкин Д.В. Аспекты обеспечения военной безопасности Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2012. № 1 – URL: vestnik-mgou.ru/articles/doc/171 (Дата обращения: 15.11.2014).
3. Жилин П.А. Фельдмаршал М.И. Кутузов. – М.: Воениздат. 1988. 368 с.
4. Иеросхимонах Моисей (Боголюбов), Булгаков Н.А., Яковлев-Козырев А.А. Православие, армия, держава / Иеросхимонах Моисей (Боголюбов), Н.А. Булгаков, А.А. Яковлев-Козырев. – М.: Русский Вестник, – 1993. – 112 с.
5. Кузминский К. Под впечатлением пережитого (из маньчжурских наблюдений) / Александровец. № 3. – М., 1906. – URL: <http://www.rusempire.ru/o-dolgei-chesti-voinskoy-v-rossiyskoy-armii/Kuzminskiy.html> (Дата обращения: 01.12.2014).
6. Кутузов М.И. Сборник документов. Т. 3. 1808-1812. URL: http://militera/lib/ru/docs/da/sb_doc_Kutuzov/index/html (Дата обращения: 25.12.2014).

7. Михалёв Ю.А. Приоритеты национально-государственных интересов России в системе обеспечения национальной безопасности / Вестник московского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 631. – 142 с.
8. Нечкина М.В. Грибоедов и декабристы. 2-е изд. – М., 1951. – 624 с.
9. О доме и чести воинской в российской армии : собрание материалов, документов, статей / Сост. Ю.А. Галушко, А.А. Колесников. – 2-е изд. М : Воениздат. 1991. 368 с.
10. Соболев В.А. Стратегия обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в современном мире // Всероссийский форум «Стратегия обеспечения национальной безопасности в современном мире» 17-18 февраля 2004 г. – М., 2004. – 124 с.
11. Синчук Ю.В. Россия и основные геополитические силы в современном мире. // Геополитика и безопасность. - № 3(19). – 2012. – 152 с.
12. Синчук Ю.В. Геополитические вызовы и угрозы современной России // Безопасность Евразии. – 2011. – № 1. – 400 с.
13. Синчук Ю. В. Современные вызовы и угрозы Российской Федерации. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – Выпуск 25 (631). – 155 с.
14. Синчук Ю. В. Геополитические вызовы и угрозы современной России на постсоветском пространстве // Постсоветский материк. – М., 2014. № 1. – 69-78 с.
15. Путин В.: Развал СССР стал общенациональной трагедией, но нельзя жить только прошлым // Электронное периодическое издание «Информационное агентство «Финмаркет». URL: <http://www.finmarket.ru/news/279788> (дата обращения: 01.10.2014).

УДК 327.3; 327.5; 327.7

Юраков М.В.*Институт США и Канады РАН (г. Москва)*

ПРОБЛЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В АФГАНИСТАНЕ НА ПРОСТРАНСТВО ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем, связанных с вероятными угрозами безопасности Центральной Азии, а также позициям России и Китая в регионе. Вывод войск МССБ из Афганистана является для Талибана удобным поводом возобновить активные боевые действия в стране. Такое развитие событий предсказуемо обернется распространением нестабильности не только в самом Афганистане, но и на весь регион ЦА. Это, в свою очередь, является прямой угрозой безопасности южных границ России. В статье проводится анализ последствий, которые несет в себе вывод войск НАТО из Афганистана, а также дается прогноз, как нестабильность в этом государстве скажется на странах Центральной Азии.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, безопасность, политический режим, национальные интересы, терроризм, наркотрафик, исламизм, международный конфликт, Афганистан, США, Центральная Азия, НАТО, МССБ.

M. Yurakov*Institute of US and Canada of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

THE PROBLEM OF SPREADING AFGHANISTAN'S INSTABILITY ONTO THE REGION OF CENTRAL ASIA

Abstract. The article analyzes a number of problems connected with probable risks to security in Central Asia and to the position of Russia and China in the region. An upcoming withdrawal of ISAF troops from Afghanistan is a convenient occasion for the Taliban to resume active hostilities in the country. Such pace of developments will result in a predictable spread of instability not only in Afghanistan, but also onto the entire region of Central Asia, which is also a direct threat to the security of the southern borders of Russia. The article analyzes the consequences of withdrawal of NATO troops from Afghanistan. Besides, a forecast is given which shows the way the instability in this state would affect the countries of Central Asia.

Key words: international relations, foreign policy, security, political regime, national interests, terrorism, drug trafficking, Islamism, international conflict, Afghanistan, the U.S.A, Central Asia, NATO, ISAF.

С самого начала XXI в политическая ситуация в Средней Азии с каждым годом все сильнее зависит от неопределенного положения Афга-

нистана, который продолжает пребывать в затянувшемся военном и политическом кризисе. Афганский кризис уже 13 лет не перестает быть в ряду крупнейших проблем международ-

ных отношений. Крупная контртеррористическая операция под эгидой США и НАТО не только не достигла поставленных целей, но и спровоцировала рост экстремизма, терроризма, этнической преступности, нелегальной торговли оружием и многое другое, что стало головной болью как для соседних с Афганистаном государств, так и для всего огромного Евразийского континента. И если для соседей второго порядка эти угрозы отдаются эхом, то для приграничных государств решение афганского вопроса остается жизненно важной задачей.

В качестве примера, какой нестабильностью могут обернуться события в Афганистане для Центральной Азии, можно привести «Арабскую весну» 2010-2012 гг. Она стала возможной из-за того, что в странах с арабским населением традиционно консервативное общество не допускало изменения социального и политического положения людей, элита была закрыта, отсутствовала связь между поколениями.

Лидеры, которых свергали в ходе революций, находились у власти по несколько десятков лет. За это время власть становилась насквозь коррумпированной, она теряла доверие населения. Наблюдалось наличие оппозиции в лице радикальных исламистов (которые, например, и пришли к власти в Египте и Ливии после свержения Мубарака и Каддафи соответственно).

Если посмотреть на страны Средней Азии, то можно проследить схожие симптомы, связанные с политической и социально-экономической неудовлетворенностью населения, а также с набирающей популярность радикальной оппозицией, носящей лицо воин-

ствующего ислама, преимущественно в Узбекистане и Таджикистане.

В связи с этим существует опасность того, что подобные процессы, которые можно было наблюдать в ходе «Арабской весны», найдут благодатную почву в Центральной Азии. Экспортеры «революции» останутся те же (Саудовская Аравия, Турция, Катар), так же, как и «группа поддержки» в лице заинтересованных государств Запада (США и Великобритании в первую очередь), которым необходимо ослабить позиции России и КНР [2, с. 1].

Афганистан в данном контексте может сыграть роль бомбы замедленного действия. После планируемого в начале 2015 г. вывода войск НАТО из страны, Афганистан почти наверняка будет ввергнут в пучину нового витка гражданской войны, нестабильность от которой быстро перекинется и на Среднюю Азию. Эти события вполне могут произойти в течение нескольких лет. Поэтому уже сейчас можно констатировать, что острая фаза войны в Афганистане может начаться в ближайшие годы.

В связи с этим для государств региона жизненно важно подготовиться к такому сценарию развития политической ситуации и укреплять национальные силовые структуры и политические ведомства. Помимо этого, странам ЦА стоит расширять сотрудничество в соответствующих сферах с Россией и Китаем на двусторонних основах, а также в рамках существующих организаций: ШОС и ОДКБ.

Однако тут существуют трудности. Лишь Казахстан полностью открыт для этих инициатив. Остальные государства ЦА страдают от тех же проблем, что и большинство арабских стран:

общества и элиты поделены на кланы, власть коррумпирована и преследует только свои интересы. В таких условиях вероятность адекватного сотрудничества между силовыми ведомствами крайне невелика. Стоит также отметить, что Киргизия уже пережила одну революцию, и обстановка в республике наглядным образом показывает, что вероятность новой не исчезает.

Медленно, но верно растет влияние ОПГ и исламистского подполья, в первую очередь Исламского движения Узбекистана (ИДУ). Они контролируют поток наркотиков из Афганистана через ЦАР. Официальные власти едва ли полностью держат государственные границы и даже некоторые районы внутри стран под контролем [6, с. 120].

Уже сейчас параллельно с медленным ухудшением состояния экономик некоторых государств Средней Азии можно наблюдать усиление присутствия саудитов и Катара в Таджикистане и Киргизии. Эти страны (а также Турция) активно содействуют культурному проникновению: открываются различные школы с соответствующим исламистским обучением, медресе и пр. Исходя из этих тенденций можно предположить, что именно Киргизия станет исходной точкой вероятной череды «цветных революций» в ЦАР.

Выбор Киргизии обусловлен ее географическим и политическим положением. Во-первых, на ее территории удобно размещать радикальные исламистские формирования. Во-вторых, их легко перебрасывать по всему региону и не только: под угрозой будет находиться даже Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) КНР [3, с. 61]. В-третьих, по сравнению с Таджикистаном, в КНР почти отсутствует

влияние шиитского Ирана, который, как известно, является основным соперником саудитов в борьбе за лидерство в исламском мире.

Сегодня в кругах политологов отмечается, что в случае прорыва связанных с «Аль-Каидой» и «Талибаном» экстремистских группировок из Афганистана объектами их активности станут наименее развитые государства ЦАР: Киргизия, Таджикистан и Узбекистан. Впрочем, нестабильность может распространиться и на закрытый Туркменистан, и даже на благополучный Казахстан [5, с. 2]. Такой интерес к относительно далеким от Афганистана странам объясняется легко – исламские экстремисты представлены в первую очередь боевиками ИДУ и завербованными гражданами России из исламских районов: Татарстана, Башкортостана, Чечни, Ингушетии, Дагестана. Именно они, а не этнические афганцы или арабы составляют основу экстремистов, жаждущих создания Центральноазиатского халифата.

Впрочем, недооценивать боевиков из Афганистана нельзя. Именно они окажут всяческую помощь своим «братьям по вере» из джамаата «Уйгур-Булгар» и ИДУ. Высока вероятность развития противостояния по сирийскому варианту, когда имела место значительная кооперация разведок Пакистана и Саудовской Аравии по подготовке боевиков на территории «Талибана» и в сотрудничестве с ним. Новоиспеченные «борцы за веру» до сих пор ведут непрекращающуюся диверсионную войну против правительственных войск в Сирии.

Отсюда следует логичный вывод: чтобы стабилизировать регион, необходимо свести к минимуму влияние

радикальных исламистских проповедников на население. Их идеология – т.н. «мусульманская справедливость» – отличная формулировка и лозунг для объединения всех маргинальных слоев общества и экстремистов для свержения власти. Поэтому необходимо ликвидировать исламистские группировки в каждой отдельно взятой стране, чтобы не допустить эскалации в дальнейшем [1, с. 53].

Помимо этого, следует обратить внимание на этнический фактор. В Киргизии существует довольно крупная диаспора уйгуров, которые являются также и главным дестабилизирующим фактором на территории Китая. Поэтому имела бы смысл кооперация киргизских силовых ведомств с их китайскими коллегами из Министерства общественной безопасности. Последние могли бы организовать мониторинг уйгурских экстремистов на территории СУАР с целью выявления их связей и возможных планируемых действий с киргизскими боевиками.

В качестве превентивной меры имеет смысл учесть роль Турции в организации революции в Ливии и инспирировании гражданской войны в Сирии и начать вытеснение влияния и сужение рамок влияния Анкары из Центральной Азии. При этом особое внимание надо уделить ревизии различных организаций по объединению тюркских народов (ТЮРКСОЛ). Все подобные фонды работают под эгидой Бюро военной разведки.

Другим объектом для ревизии должны послужить отделения финансируемой Турцией и США организации «Нурджулар» [1, с. 53]. Если в регионе все же начнется волна «цветных революций», ее могут задействовать в

роли факторов влияния. Не стоит забывать и об ОПГ и криминализованных кланах, которые контролируют наркотрафик. Киргизская революция 2010 г. отчетливо иллюстрирует, насколько они влияют на градус протеста и организованность вооруженных беспорядков.

Пример майдана показал, что государство, на территории которого попытка государственного переворота, не имеет никаких шансов для получения каких-то гарантий от организаторов дестабилизационной деятельности – их попросту не станут выполнять [4, с. 23]. США, ваххабитские монархии Саудовской Аравии и Катара, исламизирующаяся Турция и даже некоторые страны Евросоюза не приемлют сложившуюся относительно стабильную ситуацию в течение долгого времени – она попросту мешает им в реализации своих собственных интересов в регионе. Поэтому странам ЦАР, России и Китаю уже сейчас стоит обратить внимание и на вероятные очаги исламистской революции – помимо Киргизии, это территория Ферганской долины в Узбекистане. В зоне риска также Дагестан, Афганистан, Таджикистан и даже СУАР.

Если брать за образец пример текущей войны в Сирии (и даже вооруженного переворота на Украине), можно предположить, что, если на территории государств ЦА разразится политический кризис, основные экспортеры революций (в лице США, Турции и др.) начнут обеспечивать деньгами и политической пропагандой представителей оппозиции. Пакистан и Саудовская Аравия займутся непосредственно боевиками: их обучением, финансированием, логистикой; не ис-

ключено участие Турции и Катара. Все имеют свои интересы, и конкуренция между «организаторами» довольно высока.

Спецслужбы западных государств примут более опосредованное участие в организации нестабильности. Их задачей с большой долей вероятности станет подготовка местных бойцов для удержания важных объектов ядерной, химической и биологической промышленности, оставшихся со времен Советского Союза, чтобы они не перешли под контроль исламских экстремистов. Вопрос пропаганды в целях формирования необходимого «организаторам» мнения в контексте дестабилизации обстановки в Центральной Азии фактически решен. Подконтрольные государствам американские и европейские СМИ, а также крупные телеканалы БСВ вроде «Аль-Джазиры», учитывая их доминирование в информационном поле, легко сформируют «правильное» мнение у населения. Впрочем, у многих развивающихся стран национальные СМИ, как правило, занимают скептическую позицию по отношению к точкам зрения первых западных информационных и новостных агентств, исходя из освещения различных конфликтов последних двух десятилетий.

Уже сейчас можно констатировать, что существует вероятность открытого военного вмешательства союзников и ближайших партнеров стран региона – Москвы и Пекина. Происходить это может как в рамках ОДКБ, так и под эгидой ШОС. Хотя практика показывает, что обе державы вполне могут предпочесть лишь наблюдение за ситуацией, усиление контроля на границах и в крайнем случае – небольшие операции. В случае угрозы для Казахстана,

Россия, однако, может также ввести войска по крымскому сценарию. Если же заокеанские и ближневосточные экспортеры нестабильности сделают попытку использовать ООН, как в ситуации с Ливией, она будет заблокирована и Россией, и Китаем, что показал сирийский пример.

Государства, которые стоят за гипотетической «Азиатской весной», имеют схожие задачи: укрепление зоны влияния в Центральной Азии (если необходимо – включая уничтожение государственности), создание марионеточных властей, управление местными кланами и ОПГ. Но приоритеты у всех разнятся, причем порой настолько, что в будущем могут привести к новой фазе нестабильности. Рассмотрим эти приоритеты.

1) США: нивелирование позиций России и Китая, создание платформы для сдерживания КНР в будущем;

2) Саудовская Аравия и Катар: продвижение исламистской идеологии в Среднюю Азию, получение новых зон влияния в виде новообразованных халифатов, опосредованное ослабление влияния Ирана;

3) Турция: продвижение идей пантюркизма, т.е. фактическая экспансия Турции согласно плану «Неооттоманской Порты»;

4) Евросоюз: новый рынок сбыта и источник экономических привилегий, а также улучшение отношений со всеми задействованными акторами.

Однако, несмотря на высокую вероятность данного прогноза, назвать его во всех отношениях благоприятным для упомянутых акторов нельзя. «Арабская весна» (как и государственный переворот на Украине) показали, что все внешние игроки, вовлеченные

в антиправительственные акции и государственные перевороты, преследуют собственные интересы, поэтому действуют скооперированно лишь в течение короткого промежутка времени, от полугода до двух лет. Конфликтов между ними хватает: Штаты имеют разногласия с Турцией и Аравией, Катар – с Францией и Великобританией, а последние – с США. Исламские страны традиционно преследуют только свои интересы, не считаясь с данными договоренностями.

Возможное применение теории управляемого хаоса, которая в контексте региона будет выглядеть как «Центральноазиатская весна», которую можно разделить на восемь этапов:

1. создание напряжения в различных частях государств, использование провокаторов для начала беспорядков, вызванных столкновением между недовольным населением и силовиками. Всё транслируется с помощью арабских и западных СМИ, широко освещающих кадры с жертвами этих столкновений;

2. использование агентов влияния в лице кланов, радикальных исламистов, маргинальной интеллигенции, которые недовольны своим положением. Все они будут вносить свою лепту в свержение существующего режима;

3. воспитание и «вскармливание» лидеров оппозиции за пределами Центральной Азии (как и в случае с другими «цветными революциями»), а также рядовых боевиков уже в пределах ЦАР. Возможно создание исламского интернационала (как в случае с повстанцами в Сирии). В то же время, в странах Запада, в Турции и заинтересованных арабских государствах СМИ

ведут мощную кампанию поддержки оппозиции, которая со временем превращается в полноценную информационную войну. Используются громкие лозунги о защите прав человека и мусульманской солидарности;

4. применение различных рычагов давления на власть: попытка очернения правящего режима, точечные санкции против представителей элиты, ослабление дипломатических связей, экономические санкции и прекращение торговли, шантаж с заморозкой национальных и элитарных денежных средств в европейских банках (то есть все механизмы, попытка использования которых была безуспешно применена против России после воссоединения с Крымом);

5. использование афганского фактора – приграничные с Афганистаном области к тому времени будут зоной нестабильности ввиду активизации «Талибана». Осуществление подготовки вооруженной оппозиции в лагерях боевиков;

6. использование исламских банков для финансирования деятельности радикально настроенной исламистской оппозиции;

7. формирование транспортной сети для быстрой переброски готовых радикалов и оборудования из Афганистана в ЦАР;

8. создание организованных оппозиционных группировок во всех важных пунктах – городах, заводах, промышленных центрах [2, С. 3].

По сути, все остальное – лишь частности. Скорее всего, активная часть волнения закончится тем, что организованные экстремисты возьмут под контроль все основные центры коммуникации: электростанции, ЛЭП,

станции водоснабжения. В зоне риска, в первую очередь, Киргизия и Таджикистан. Однако итоги будут зависеть уже от того, насколько успешно действующие игроки смогут организовать свою деятельность, и от того, как будут действовать главные внешние акторы, против которых, собственно, и будет направлена вся операция по превращению ЦАР в зону нестабильности – для РФ и КНР.

Скорее всего, поводом для начала этой широкомасштабной операции станет смена высшего руководства в одной из ведущих центральноазиатских стран, либо за некоторое время до этого (если информация по передаче власти будет достоверно известна заинтересованным игрокам) [2, с. 3]. Исходя из примеров Сирии и Украины, любая попытка прекратить массовые протесты с использованием силовых ведомств будет тиражироваться СМИ как «жестокие репрессии кровавого режима против мирных демонстрантов» и станет элементом информационной борьбы.

Таков прогноз для самых уязвимых государств Средней Азии – Киргизии и Таджикистана. Их государственность слабеет, влияние исламских экстремистов, представителей наркокартелей и ОПГ возрастает, так же, как и влияние Саудовской Аравии и Турции (как в политическом, так и в культурном плане). Вероятное распространение нестабильности из Афганистана на другие государства региона не столь очевидно ввиду их лучшего экономического и политического состояния.

В наиболее защищенном состоянии находится самое развитое государство ЦАР – Казахстан. Именно он способен провести полный комплекс мер по

предотвращению широкомасштабной кампании управляемого хаоса, включая постоянный мониторинг внутриполитической ситуации, подготовку силовых структур, пресечение финансирования оппозиции из-за рубежа, выработку собственных сценариев поведения на случай усиления напряженности в регионе и т.д.

Главной итоговой целью для экстремистов и их покровителей станет, скорее всего, Узбекистан. Руководство республики выбрало политику изоляционизма, которая основывается, с одной стороны, на стремлении к лидерству в ЦА, а с другой – на балансе сотрудничества с США и Россией. Пример «Арабской весны» в Тунисе, Египте, Ливии показал, что президент Ислам Каримов, много лет проводивший политику возвышения силовых структур, укрепления границ и провоцирования периодических конфликтов с соседями, не сможет осуществить мирную передачу власти своему преемнику.

Отдельно от всех стран региона стоит рассмотреть Туркмению. Республика проводит самую активную политику изоляции, однако нынешний президент Г. Бердымухаммедов не обладает таким же влиянием, как его предшественник С. Ниязов. При его правлении ведущие кланы стали не столь лояльны власти, национальная элита также перестала быть абсолютно преданной лидеру.

Помимо ухудшения ситуации «в верхах», можно наблюдать и размежевание среди населения Туркменистана. В обществе в последние годы значительно усилили свои позиции салафиты, что особенно заметно в Прикаспийском регионе. Их деятель-

ность традиционно направлена против светских властей, и финансируется она либо из Афганистана, либо через районы Ирана с суннитским населением. Наличие и усиление таких экстремистских групп создает угрозу для безопасности Туркменистана и может быть использовано заинтересованными сторонами для распространения нестабильности в республику.

В этом случае также можно сделать вывод, что Туркмения стала заложником своих газовых месторождений. Ресурсы республики представляют интерес для ~~их~~ экономических конкурентов из Катара, а также для руководства Пакистана и «Талибана». Власти в Дохе, за спиной которых стоит американская администрация, заинтересованы в прокладке газопровода через Афганистан в Пакистан, что, в свою очередь, наносит ущерб сразу трем конкурентам арабского эмирата: Ирану, России и Китаю. Ввиду этого, Туркмения вполне может стать объектом политической интриги и жертвой нестабильности, которая потенциально способна потрясти регион.

В итоге можно констатировать, что нестабильность в Афганистане, которая почти неминуемо возникнет после ухода контингента НАТО, с большой долей вероятности перекинется на регион Центральной Азии и нанесет ущерб не только собственно государствам региона, но и их крупным соседям – РФ и КНР. С уверенностью можно утверждать, что до 2020 г. в регионе не состоится военное вторжение со стороны Североатлантического

альянса либо другого военно-политического блока. Роль интервентов будет отведена именно радикальным исламистским объединениям, проблема оснащения которых уже решена в связи с наличием в соседнем Афганистане крупных складов с техникой и вооружением образца НАТО.

В случае эскалации политической ситуации также очевидны поставки вооружения странам региона со стороны РФ и КНР и, возможно, Ирана. Это почти наверняка натолкнется на негативную реакцию мирового сообщества, однако оба государства уже доказали свою принципиальность и последовательность в отстаивании национальных интересов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Олкотт М. Центральная Азия: перспективы смены власти // Pro et Contra – 2012. – С. 53.
2. Сатановский Е. Дестабилизация Центральной Азии// Институт Ближнего Востока. 2014. февраль С. 1.
3. Сыроежкин К.Л. Мифы и реальности этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. – Алматы, 2009. – С. 61.
4. Троицкий Е. Политика США в Центральной Азии. – Томск, 2012. – С. 23.
5. Фальков М. Исламское движение Узбекистана (ИДУ) // Независимая газета. – М., 2013. – С. 2.
6. Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: возможности и вызовы для России / Под ред. М.М. Наринского и А.В. Мальгина. – М., 2003. – 120 с.

НАШИ АВТОРЫ

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и Московского региона Московского государственного областного университета; e-mail: Gorlov812@mail.ru

Егоров Денис Иванович – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета, преподаватель истории и права Московского медицинского училища №4 ; e-mail: vindex68@mail.ru

Клементьев Дмитрий Юрьевич – аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: oknovpiter@yandex.ru

Короткова Анна Васильевна – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: anina_posta@mail.ru

Мерзанова Анастасия Владимировна – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: anastasiamer@mail.ru

Мохаммад Ибрахим Назир – адъюнкт кафедры истории Военного университета Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва); e-mail: m-ibrahim@inbox.ru

Синчук Юрий Владимирович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: sinchukjv@mail.ru

Тихонов Виталий Витальевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (г. Москва); e-mail: tihonovvitaliy@list.ru

Фукс Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, директор Историко-филологического института Московского государственного областного университета; e-mail: anfyks20@yandex.ru

Чемакин Антон Александрович – аспирант кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург); e-mail: chemakinanton@rambler.ru

Юраков Максим Вячеславович – аспирант Центра военно-политических исследований Института США и Канады РАН (г. Москва); e-mail: maxonqwe@gmail.com

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ «ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»

2015. № 1

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» И.А. Потапова
литературный редактор О.О. Волобуев
переводчик Е.В. Приказчикова
корректор Н.Л. Борисова
компьютерная верстка А.М. Иноземцева

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 6,3, усл. п.л. 6.

Подписано в печать 20.02.2015. Заказ № 2015/02-09.

Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а